

Зинаида Кудрявцева

Дорогие мои земляки

Издательство: библиотека МКОУ Хомутовская СОШ

2023

Автор – составитель

В.В. Чудакова

Дорогие мои земляки

В книге представлены замечательные рассказы о земляках-гламаздинцах и проникновенные стихи Зинаиды Николаевны Кудрявцевой. Сборник составлен по страницам газеты «Районные новости». Все творческие работы автора проникнуты любовью к родному краю. Здесь тёплые зарисовки о земляках, интересных людях, природе родного края.

Издание сборника – знак большой признательности творческому человеку, «Заслуженному учителю Российской Федерации», «Почётному гражданину Хомутовского района».

Кудрявцева Зинаида Николаевна

/1937- 2019 /

Мне от страниц твоих тепло.

О нашей «районочке» уже столько сказано прекрасных слов. Я тоже давно с ней дружу. Недавно вспомнила, что в семейном архиве хранятся газеты разных лет, первая из них рассказывает о том периоде, когда район наш был соединён с Дмитриевским. В ней помещена наша с мужем фотография. Мы тогда стали лауреатами районного и областного смотров художественной самодеятельности

Писала в газету я, писали и обо мне, то есть она принимала живое участие в моей судьбе. А сколько было таких же простых сельских тружеников, в которых «районочка» вселяла уверенность, поднимала настроение, воодушевляла, радовала, помогала рождению интересных идей!

Конечно, приятно прочитать своё имя в газете и добрые слова в свой адрес. Но не менее приятно читать хорошее о других жителях района, радоваться тому, как много талантливых, умных, добрых людей вокруг. Спасибо тебе, «районка» от имени всех нас!

Наша газета – это летопись района. Она идёт в ногу с жизнью. «Районка» близка и понятна каждому. Я не раз ходила в редакцию и всегда видела там много людей. Они приходили со своими радостями и бедами, за советом, или поделиться сокровенным. В редакции их всегда выслушивают, успокоят, помогут. Такие уж люди работают в нашей «районочке». Каждого они встречают доброй улыбкой.

Своё отношение к нашей газете хочу выразить так:

Ты мой советчик и подруга,

Ты сеешь свет, любовь, добро...

Пускай стучится в окна вьюга,

Мне от страниц твоих тепло!

С тобой по жизни я шагаю

Делю удачу на двоих

И с удовольствием читаю
Сперва тебя, потом – АИФ
Ах, «Мисс районочка»! Но это –
Не конкурс женской красоты.
Моя любимая газета,
Ты – мисс ума и доброты!

От редакции: «Районку» и З.Н. Кудрявцеву связывают долгие годы сотрудничества, искренняя дружба. Будучи заместителем по воспитательной части, директором Гламаздинской средней школы, она часто выступала на её страницах, делилась опытом, рассказывала о своей работе. А сколько слов благодарности получила Зинаида Николаевна в свой адрес через газету от своих учеников!

В 1992 году мы поздравили З.Н. Кудрявцеву, директора Гламаздинской средней, с присвоением почётного звания «Заслуженный учитель школы Российской Федерации». В списке передовиков – победителей предмайского соцсоревнования была и её фамилия.

Спасибо, уважаемая Зинаида Николаевна, за преданность «районке»!..

ТАК ДЕРЖАТЬ, “МИСС “РАЙОНОЧКА”!

Как мы уже сообщали, при подведении итогов конкурса “Мисс “Районочка” - 2002”, который редакция районной газеты объявила для своих читателей в октябре минувшего года, первое место жюри единогласно присудило жительнице села Гламаздино, учителю Гламаздинской средней общеобразовательной школы З.Н.Кудрявцевой. На днях Зинаиде Николаевне вручены приз и алая лента с памятной надписью “Мисс “Районочка” - 2002”.

Стоит отметить, что Зинаида Николаевна участвует и в других творческих конкурсах, объявляемых для читателей “районки”, причем ее работы всегда отличаются яркостью и оригинальностью. Иначе и быть не может, ведь наша победительница - человек талантливый, увлеченный. Она является, кроме всего прочего, и активным внештатным автором, присылает в газету инте-

ресные краеведческие материалы, теплые зарисовки о своих земляках.

Мы еще раз искренне поздравляем Зинаиду Николаевну! От всей души желаем здоровья, семейного счастья, успехов в работе и неиссякаемой энергии!

На снимке: З.Н.Кудрявцеву поздравляет главный редактор газеты “Районные новости”

Н.А.Шатохин.

Фото Галины Солодовой.

/Фото скана из газеты/

З.Н. Кудрявцева:
«Радуюсь жизни,каждому дню...»

З.Н. Кудрявцеву, учителя Гламаздинской средней школы, в нашем районе знают хорошо. Опытный педагог, замечательный наставник, организатор, умелица каких поискать да и просто удивительный человек

Зинаида Николаевна родилась в селеГламаздино в обыкновенной крестьянской семье. Мама, Варвара Ивановна – простая колхозница, честно вырабатывала свои трудовни по наряду. Отец, Николай Сергеевич, правда, при должностях состоял: заведовал магазином, заготзерном. В селе родителей почитали не только за трудолюбие. Хозяин дома – мастер на все руки, а его жена – заводила, шутница,

певунья. Их таланты передались и детям, в особенности переняла их дочь Зина.

В послевоенную пору, когда в деревнях не было электричества, телевизоров, радио и то редкость, селяне собирались на вечеринки. Вот тут-то и показывали своё мастерство гармонисты, балалаечники, танцоры и певцы. Шустрая девчушка Зиночка старалась ничего не пропускать, за что и слыла неформальным лидером среди сверстников. Активно участвовала в художественной самодеятельности, различных мероприятиях, словом всюду поспевала. Легко давались ей и хитрости рукоделия.

Кружева вязать освоила, наблюдая исподтишка за работой квартирантки Моти. Как только та уходила из дома, Зина пыталась сама тайком продолжить начатый узор. Старания не прошли даром, и вскоре детские руки уже ловко вывязывали ажурные кружева любой сложности.

Родители видели, как дочь тянется к знаниям, поэтому после окончания семилетки отправили её учиться в Хомутовскую среднюю. Однако добираться до райцентра ежедневно было сложно, а квартиру снимать слишком дорого, вот и пришлось на время забыть о среднем образовании. Зинаида Николаевна пошла в свои 14 лет работать в лесхоз. Об учёбе вспомнила, когда в Гламаздино среднюю школу открыли. К началу учебного года собраться не успела, а в октябре, как только учебники купили, прямо-таки побежала на уроки. Быстро сумела нагнать упущенное, и образовательное учреждение окончила с серебряной медалью.

– Вот уж поистине от судьбы не уйдёшь, – делится З.Н.Кудрявцева.

– Был период, когда о профессии учителя и не помышляла. Более того даже зачислили меня в политехнический институт, но передумала, забрала документы. С мужем тоже по воле случая познакомилась. Я тогда в 10 классе училась. В марте наша бригада решила выехать на двух подводах с концертом. Долго не могли определиться, в какой населённый пункт: в Веть или на Культуру. После споров выбор пал на последний. Именно в этот день мой суженый приехал домой за демисезонной одеждой. Вот там-то, в клубе, мы увидели друг друга. Через месяц пришло письмо с предложением встретиться и поговорить. 5 мая парни с Культуры к нам «на улицу» приехали. Среди них и мой Виктор Сергеевич. Казалось бы, виделись мимоходом, а я его голос ещё издали определила.

Судьба – судьбой, а всё же многого Зинаида Николаевна добилась сама. Она никогда не боялась работы, трудностей. Уехала в город, трудоустроилась, вроде бы всё ладилось, но наша героиня вернулась в родные края. В сельской школе нашлось место пионервожатой. Не имея знаний, опыта, энергичная, заводная девушка смогла увлечь ребят, завоевала их сердца. А когда семья немного стала на ноги, поступила в институт.

– Сессию, бывало, сдам и скорее домой, – вспоминает собеседница. – Там ведь муж, сыновья ждут. А когда дело к выпуску близилось, то предложила супругу тоже подать документы в вуз. Учились, детей растили, дом обустраивали, даже успевали в художественной самодеятельности участвовать. Главное желание – всё преодолеешь.

С Зинаидой Николаевной нельзя не согласиться. Сегодня дом, где живёт семья Кудрявцевых, один из лучших не только в селе, но и в районе. Своими руками Кудрявцевы преобразовывали его в чудесную усадьбу. Сколько фантазии, выдумки вложено, как, впрочем, и во всё, за что берутся супруги. Генератором большинства идей является Зинаида Николаевна. С помощью ножниц, клея, шила она может из шишечек, сучков, соломки и другой мелочёвки создать настоящий шедевр. Ловко управляется и с крючком, и с узелками макраме.

О З. Н. Кудрявцевой можно написать целый роман, но он будет не полным, если не рассказать о ней, как о сильном человеке, умеющем не опускать руки перед трудностями, а стойко переносить всё, что ниспослано судьбой.

...Беда всегда приходит внезапно, откуда её не ждёшь. Выросли сыновья, определились в жизни, семьями обзавелись. Младший Игорь с женой Натальей и дочерью Дашей остались с родителями. И на работе, и дома всё ладилось, но постепенно сын стал замыкаться в себе, а вскоре выяснилось, что он тяжело болен. Диагноз, поставленный врачами, не утешал: «Медлить нельзя, нужна операция». Сделать её в состоянии только столичные светила. Мать отправилась в Москву в институт Бурденко. Цена за операцию оказалась настолько высока, что стало ясно, этих денег не собрать и за год. З.Н. Кудрявцева хватается за последнюю соломинку, лично обращается к профессору У.Б. Махмудову, объясняет ситуацию. Нашла доводы, убедила. Доктор оперирует больного. Часть расходов берёт на себя институт, а остальную сумму заплатили родственники. 15 дней Игорь находился между жизнью и смертью. Мать старалась держать в руках и себя, и

родных, настраивала на лучшее. Что называется, не отходя от сына, уговаривала его не падать духом, а бороться до последнего. Пожалуй, эта незримая сила и спасла Игоря, вернула к жизни...

В заключении нашей беседы спросила у Зинаиды Николаевны, считает ли она себя счастливым человеком?

– Пожалуй, да, – ответила она. – Меня уважают коллеги, ученики, односельчане. Имею звание «Заслуженный учитель». Могу гордиться своей семьёй. Из нашего выпуска все, кроме меня, из Гламаздино уехали, а я осталась в селе и не жалею. Была возможность и в театрах, и в музеях, и за границей побывать. А я на малой родине радуюсь жизни, каждому новому дню...

(Беседовала Галина Солодова – наш корреспондент)

История села Гламаздино

3. Н. Кудрявцеву, учительницу Гламаздинской средней школы, представлять не надо. Её хорошо знают в районе, да и наша газета писала о ней не раз. Опытный педагог, замечательный наставник, организатор, человек энергичный, творческий, умелица, каких поискать, сегодня, делась собранной по крупицам историей своего села, предстаёт перед нашими читателями в новом амплуа.

Наше село богатым в округе слыло.

Красивое и некогда многолюдное село Гламаздино раскинулось вдоль Гремячинской балки с запада на восток на два километра. По дну балки протекала речка, которую питали многочисленные ключи и родники. Один мощный ключ бил фонтаном, вода вырывалась из недр земли с шумом, поэтому речку и называли Гремячка. Вокруг по увалам на равнинных местах имелись плодородные земли, рядом леса с прекрасными охотничьими угодьями.

Вот это удачное место и выбрали люди для поселения, которое именовали сначала Гремячее. Спустя примерно полвека после основания Гремячего приехал сюда некий Гламаздин из Орловской губернии Ливенского уезда. Очень приглянулись ему наши места. Через год он и ещё 37 семей (почти все носили фамилию Гламаздины) переселились в Гремячее. Село стало быстро расти и богатеть. А вскоре из Гремячего его переименовали в Гламаздино.

К 1797 году император Павел I подарил земли вместе с крестьянами Аркадию Ивановичу Нелидову.

Во второй половине XIX столетия в западной части села была построена, как тогда называли, экономия: помещичий дом с мезонином, кирпичные службы, конюшня, помещения для скота. Рядом размещался сад и парк.

К концу XIX века село Гламаздино слыло самым большим и богатым в округе. По сравнению с Хомутовской оно выглядело куда солиднее. Дома на двух основных улицах стояли довольно плотно и сравнительно ровными рядами. Село делилось на края. Западная часть его южной половины именовалась Репнев край, а восточная – Вяльцев. Северная улица разделялась на Влызин и Бардаков край. Со временем появились маленькие улочки – ответвления, так как из-за тесноты усадьбы стали выноситься выше или ниже главных улиц. Четыре двора, где жили Артамоновы, назывались Пятницкой. Там, где построились Чеглаковы, – Ахызова. Из общего ряда вышли дома П. Харитонова, В. Шипулина, С.Г. Аксинына, И.Р. Степанова, А.Ф. Алимова.

В прежние времена семьи были большие. Дети не всегда отделялись от родителей, поэтому под одной крышей нередко жили сразу несколько поколений. Так что во многих дворах насчитывалось по 10 – 18 человек. В семье моего деда было 11 душ.

Гламаздино считалось и являлось богатым селом. Во-первых, в селе многие имели кирпичные и добротные деревянные дома, крытые железом и черепицей. Самыми богатыми считались купцы Тит Лазарев (держал две лавки) и С. Лукашов, имевший основной доход не от земли, а от торговли. Кирпичный дом Тита сохранился до сих пор, сейчас в нём живёт заведующей фермой С.И. Артамонов. На средства Лазарева был построен один из трёх мостов через речку, носивший имя Тита.

К началу XX века в Гламаздино насчитывалось около 400 дворов. Село имело две ветряные мельницы, крупорушку, маслодельню, маслобойку, небольшие сыроваренный и спиртовой заводы. Всё это разрушено в годы революции и гражданской войны. От барской экономии уцелели лишь особняк, да пара кирпичных зданий.

**Из недр там с шумом бил фонтан, а земли были
плодородны.**

Колодец, колодец...

Колодцы, как люди: рождаются, живут и умирают. Вода — это жизнь, поэтому и селились люди у рек, озёр и балок, где вода находилась ближе к поверхности земли и, следовательно, копать колодцы было легче.

Источники воды охраняли, берегли, им давали названия. Сколько всего происходило у колодца! Здесь судачили кумушки, обменивались местными новостями, встречались влюблённые... О них слагали песни, частушки:

Из колодца вода льётся,

Вода мутноватая.

Мы с милёнком разгулялись:

Я не виноватая.

Ой, колодец, ты колодец,

Очень чистая вода.

Полюбила я парнишку

Не на год, а навсегда!

Колодцы – часть жизни села, его история. Некогда в Гламаздино насчитывалось семь колодцев и криница. Сегодня их уже нет.

На восточной окраине села находился колодец, из него черпали воду 5 – 6 дворов. Ниже Бардакова края располагался Белый колодец. В нём грунтовые воды проходили через пласты глея придавая им беловатый цвет. Этим источником пользовались жители двух краёв – Бардакова и Вяльцева, потому здесь всегда был дефицит воды.

В балке, у подножья Поповой горки, был Попов колодец, прослуживший более 100 лет. Глубины в нём было около четырёх метров, заглянешь в бездну, и станет страшно. А вода в нём была очень холодная, такая, что зубы ломило.

Неподалёку от кузницы находился Ковалёв колодец, в который, как считали селяне, поступала самая лучшая вода. Если ставили самовар, бабушка всегда посылала меня за водицей именно в Ковалёв колодец. Просторный сруб, сток, выложенный из камешков, цебарка (деревянное ведро) обновляющаяся ежегодно, чистота и порядок вокруг – всё говорило о том, что живущие рядом с источником, ухаживали за ним, очень любили его.

В западной части села по обе стороны ручья располагались Несынов и Дырдин (Шипулин) колодцы. Причём последний считался самым грязным источником, несмотря на то, что к нему было «приписано» 40 дворов.

Весь Репнев край брал воду из Соленика, о котором и пойдёт рассказ дальше.

Чистка колодцев на Духов день (второй день Троицы) являлась торжественным ритуалом. Накануне выбирали тех, кто спустится в колодец. «Водолазы» должны быть быстрыми и ловкими, ведь им доверялось очень ответственное дело. После вычерпывания воды работники в фуфайках, шапках и сапогах опускались вниз, котелками нагребали грязное месиво и, наполнив вёдра, отправляли их наверх.

Со дна извлекались предметы, утопленные за год. Вот подняли ведро, которое бабка Дуня Зерина упустила зимой, извлекли серп, топор, детский ботинок...

И вдруг голос из колодца:

– Ого! Да тут утюг чей-то!

Наверху удивляются, пожимают плечами. Кто хозяин? Угольный утюг по тем временам был чуть ли не предметом роскоши, не в каждом дворе его имели. Ребятишки побежали по округе оповещать о находке. Гонцы из нижнего закоулка возвращаются с вестью:

– Это бабки Дуни утюг, вон она бежит.

– Мамушки мои! – причитает хозяйка, – Нашёлся! А я грешила, что украли его лиходеи...

Вдруг она замолчала, обвела всех недоумевающим взглядом и с удивлением произнесла:

– А как мой утюг утопленником оказался?

Смех, шутки... В ходе следствия выясняется, что дело обстояло так. Под Покров тётка Дуня гладила занавески и рушники, наводила в хате порядок. В этот же день, к празднику, затеяла она самогон гнать, а приглядывать за процессом поручила мужу – Сашку. Был он мужичонка неказистый: щуплый, небольшого росточка, плешивый и кривоногий. Дуня же – прямо-таки баба-гренадёр: высокая, силы необыкновенной, в

работе любого мужика обставляла. Сашок не то чтобы боялся своей половины, но остерегался, на рожон не лез.

Он спокойно дождался окончания процесса, несколько раз снял анализ, сделал заначку и явился пред ясными очами супруги. Помолчали, как всегда, а красноречие искало выхода. Тут Сашок начал читать нотацию по поводу неразделённой любви. Дуня не выдержала и приложилась горячим утюгом к лектору.

С того момента супруг возненавидел... утюг. А после Покрова тайком вынес его из дома и утопил в колодце.

Много других интересных историй случилось у колодцев. Исчезли они, а с ними и то, что объединяло людей, делало их добрее, мудрее, проще. Вспоминая обо всём этом, сами собой приходят строки из песни:

Колодец, колодец, дай воды напиться.
Колодец, колодец, дай неба глоток!
Быть может, быть может ещё возвратится
Счастливое время и в наш уголок....

Дай – то Бог!

Из недр там с шумом бил фонтан, а земли были плодородны.

Ждал ярмарку честной народ. Она шумела дважды в год.

Перед церковью была большая площадь, тут и игрища проводили, и кулачные бои, и ярмарки два раза в год.

На ярмарку съезжались за два дня до начала, обустривались, к ценам присматривались. Дмитриевские, севские, рыльские купцы привозили красный товар. Если на площади места не хватало, то торговые ряды выходили за Трошину околицу. Чего тут только не было: всякие сладости, мануфактура, обувь, конская упряжь, сало, конопляное масло, пенька, мёд, рыба... Выбирай чего душа пожелает!

А качество какое у товаров было! Мой дедушка Сергей Афанасьевич к пятилетию совместной жизни (1912 год) купил бабушке Авдотье Тимофеевне на ярмарке алую шерстяную шаль с яркими цветами и бахромой по краям. Та носила её по праздникам, но тем не менее прослужила она 46 лет, причём не выцвела, не полиняла и даже моль её не тронула.

На этой ярмарке дед и балалайку выиграл, которую передал позже своему сыну, моему отцу.

Детвора любила ярмарочные дни. С утра до вечера пропадала на площади. Щедрые купцы одаривали детей сладостями.

Батюшка всегда обходил торговые ряды, окроплял товар святой водой и благословлял на торговлю. Купцы жертвовали на церковь. На эти деньги (частично) выстроили в 1911 году в селе церковно-приходскую школу. В образовательном учреждении было две большие классные комнаты и две поменьше, учительская, две квартиры для учителей. Она служила селянам до 1955 года.

Прошли года – от храма нет следа...

Великая Отечественная война не обошла стороной и наше Гламаздино. Пришлось оставлять родные места и эвакуироваться в Конышевский район. А когда вернулись домой (мне тогда 6 лет было), пред нами предстала печальная картина: полсела сгорело, храм уцелел, но был повреждён. Людям пришлось жить в землянках и халупах – сарайчиках. На месте красивого селения стояло обожжённое, израненное село. Снаряд пробил купол величественной церкви, и огромная глыба кирпичной кладки повисла на арматуре. В ней не было окон, дверей. Но даже и такая она была красивой.

В войну полицаи построили внутри храма хату. Здесь они укрывались от снарядов, а днём с двадцатиметровой колокольни вели наблюдение за окрестностями.

Когда пришли партизаны, фрицы сбежали. Наши бойцы подожгли хату и взорвали колокольню. Каким страшным был этот пожар! Хата, построенная из сухих сосновых брёвен, горела как дрова в гигантской печи. Из пробоины в куполе валил дым. Тяга была такая, что огонь гудел. Света в домах не зажигали, сидели одетыми, а в окнах полыхало кроваво-красное зарево.

Несмотря на все перемены, престольным праздником у нас так и остался Покров. Его продолжали отмечать, приглашая родных и близких в гости. Нарядные, весёлые селяне пели, плясали. О храме никто не вспоминал. Он стоял никому не нужный до 1949 года. Мы с подругами часто бегали к церкви. Тянула туда неведомая сила. Старшие ругали нас и не пускали, боялись, что кирпичи могут обрушиться, а мы всё равно шли туда. Сквозь копоть проглядывали росписи на библейские темы, и мы старались разглядеть картины. Напуганные галки и вороны вылетали из пробоины с громкими «Кар-кар», а нам слышалось «Ах! Ах!» Становилось жутко. Мы стремглав неслись домой. Бабушка утверждала, что это Божья Мать плачет.

В 1949 году храм стали разбирать по кирпичикам. Собирали щебень. Люди строили жильё, клали печи. Некому было остановить разрушение. К 1952 году не осталось и следа от церкви.

Года два назад, сама не знаю по какой причине, я вспомнила наш храм, нашла записи сорокалетней давности. И сама собой ко мне пришла идея сделать макет нашего Покровского храма. Долго думала из чего и как его выполнить и решила сделать его из золотой соломы и картона. Три месяца я и мои близкие трудились над макетом. На него пошло около пяти тысяч соломенных кирпичиков. Сейчас храм готов. Выполнили мы и внутреннее убранство. Думаю, наша работа украсит школьный музей и будет напоминать всем о маленькой частичке нашего села.

Гламаздинский диалект (толковый словарь)

Каждое село, каждый посёлок, даже хуторок по-своему уникален. Во-первых, своей историей, во-вторых – людьми, а, в-третьих, своим разнообразием речи. Даже рядом расположенные селения имеют отличия в говоре, то есть у каждого есть свой диалект.

С детских лет я слышала, запоминала и записывала «гламаздинские» слова. Да, мои односельчане не были чересчур грамотными, но речь у них была исконно русская, богатая и мелодичная. К сожалению, очень многие слова сегодня полностью исключены из обихода, забыты. Спроси у любого молодого человека, скажем, что означают слова **тятя, напол, рубель** – никто не объяснит. А это так называли у нас папу, шестнадцативедерную бочку и ребристую доску для катания белья.

Конечно, уже давно ушли из обихода некоторые предметы, вещи, а с ними исчезли и их названия. Откуда молодым знать слова: **става, бедро, красна, сапрыка**. Все они были связаны с домашним ткачеством, которым уже никто не занимается. Возможно, нынешней молодёжи покажутся смешными и корявыми слова и выражения, употребляемые ранее, но могу заверить, что они намного красивее тех, которыми сейчас изъясняются юные. Вы только вслушайтесь в них! Вот наиболее интересные «гламаздинские» слова, забытые нами: **клямка** – защёлка над дверной ручкой; **хвиряпка** – тряпка; **сапсоваться** – испортиться; **зем** – земляной пол; **зибух** – большой полуоткрытый пирог с картофельной начинкой; **завихрился** – убежал, уехал далеко; **посёстра** – соперница; **тымалка** – большая тряпка, чтобы брать горячие чугуны; **брыдит** – чешется; **сомачёк** – деревянный обрубок. А знаете ли вы, что такое **горох косотой**? Нет? Это всего лишь фасоль.

Вот такой небольшой толковый словарик устаревших слов, звучавших ранее в нашем селе, у меня получился.

Строили гламаздинцы крымские дворцы.

Этим летом мне посчастливилось отдохнуть на Чёрном море, в Ялте. Всё там прекрасно: горы, растительность, лазоревое море. Но я, человек энергичный, люблю активный отдых, поэтому купанием и пляжем не ограничивалась. Немало знаю о Крыме, но в эту поездку открыла для себя интересные места, связанные с историей России и Крыма.

Одним из уникальных крымских уголков является ботанический сад, заложенный в 1812 году в шести километрах от Ялты. Руководил всеми работами выдающийся русский ботаник Х.Х. Стевен, основатель и директор императорского экономо-ботанического сада. В этом уникальном саду собраны коллекции удивительных растений со всего мира. Насчитывается около 1800 сортов роз. Есть кактусовая оранжерея, бамбуковая роща, все виды кедров, земляничное дерево, магнолии. Часть сада занимают оливковая роща, персиковая плантация, виноградники, посадки инжира... Не устаёшь любоваться этим зелёным богатством, этой живой мозаикой красок!

Можно бесконечно рассказывать о прекрасном уголке природы, созданном трудом крепостных крестьян, матросов Севастополя, научных работников из Москвы и Петербурга. О нём можно и прочитать. Во время отдыха в руки мне попала книга под редакцией Николая Калинина «Романовы и Крым», которую прочитала на одном дыхании, что называется.

Портовые сооружения, дороги, южные города, прекрасные дворцы – всё это было построено, начиная с царствования Екатерины II. Многие сделано под непосредственным руководством и контролем Григория Потёмкина. Это, безусловно, интересная информация, но меня поразили строки на страницах 57 – 58. Цитирую: «...В 1866 году после приёма всех построек и Ливадийского дворца, сооружённых под руководством архитектора А.И. Рязанова, состоялось награждение особо отличившихся на работах в императорском имении...» Интересно, что министр Дворца лично хлопотал «о награждении

серебряной медалью для ношения в петлице на Станиславской ленте крестьянина села Гламаздино Курской губернии Семёна Бардакова за великолепное исполнение плотницких работ».

Изучая историю родного села, не раз убеждалась в том, что мои односельчане – мастера на все руки. Они действительно часто уезжали на заработки в Крым. Эти сведения подтвердил и архивный факт, о котором я упомянула выше.

Прочитав книгу «Романовы и Крым», гордясь своими земляками, решила съездить в Ливадию, чтобы увидеть дворец и церковь, ротонды и парки. Увидела! Впечатления осталось незабываемое! Побывала ещё я и в Форосе, и на концерт Николая Баскова попала. Повсюду рядом звучала чистая русская речь. Со мной приветливо разговаривали, мне искренне улыбались. Пришла к выводу, что Крым насквозь российский. Но почему-то теперь он стал зарубежьем.

.

Уголки моей родины

Подусадник.

Сколько на земле удивительных мест, где чистый воздух, тишина и такая красота, что дух захватывает. Но всё это только надо уметь увидеть.

Гламаздино – одно из сёл, которое расположено рядом с лесом. Делится оно на урочища с красивыми поэтическими названиями: Займище, Севское, Березовое, Подусадник, Лисьи Норы, Зимник и другие. Хотите подарить себе незабываемый день, отдохнуть от суеты, набраться сил, зарядиться энергией – отправляйтесь в лес...

Короткая полевая дорога, переходящая в узкую тропинку, привела меня в Подусадник. Самый разгар лета. После дождя всё здесь благоухает. Слева – ельник, справа – осинник. По крутому склону узкие овражки. В зарослях папоротника должны быть лисички. А вот и они. Один их вид вызывает умиление. Надо же какую прелесть создала природа.

По ложбинке иду вниз. Вдруг слышу барабанную дробь прямо над головой.

– Работаешь? Молодец, давай трудись, вон сколько деревьев больных, – напутствую я дятла.

Лениво перелетают среди елей маленькие корольки. Они тоже любят хвойный лес.

Вокруг покой и красота. Никто никуда не спешит. Вон паук плетёт свою паутинку, а там муравьи тащат хвоину. Шмель опустил на цветок, лакомится сладким нектаром и качается на упругом стебельке.

Поворачиваю направо. Когда-то здесь была лужайка, а теперь плотной стеной стоят красавицы-ели. Где-то среди них есть деревья, посаженные моими руками. Поднимаюсь по крутому склону, поросшему берёзами, среди которых настоящее царство трав. Цветут гвоздики, колокольчики, ромашки, лютики, над ними поднимаются султаны душистой таволги.

А в траве... О, красота! Земляничка созрела.

Березняк незаметно переходит в сосновый бор. Сколько же здесь ягод. Нахожу большой лист лопуха и делаю кулёк, чтобы собирать душистую землянику. И вдруг смотрю, под кустиком стоит толстый боровичок. Чуть дальше ещё два. Иду, кланяюсь: то ягодки в кулёк, то грибочки в пакет собираю.

Под ногами мягкая подушка из хвои. Дышу полной грудью и не могу надышаться. Родная моя земля! Как щедра ты к людям. Спасибо, что одариваешь нас своими богатствами, спасибо, что исцеляешь тело и душу!

Птицы в это время почти не поют – делом заняты. На ближайший кустик села пеночка и запела звонко на высокой ноте. Боюсь спугнуть, а она вдруг замолкла, словно сама себя одёрнула: «Что это я распелась, работать надо». А мне ещё нужно зайти в заветные местечки.

Вышла на край поля. Здесь полно цветущего зверобоя. Срезала пучок, а на солнечном холмике желтеет бессмертник, тоже лекарственная травка.

Через поле, уже уставшая бреду в другую берёзовую рощицу, где встречается много диких груш. Урожай на них в этом году будет хороший. Кисло-сладкие душистые плоды куда вкуснее импортных, похожих на восковые.

За дорогой Подусадник заканчивается. Там дальше Лисьи Норы. Ноги устали, но самочувствие великолепное, хоть сейчас в бой. Почаще бы так отдыхать.

Макарик.

Удивительно красивы окрестности нашего села. С какой бы стороны вы не входили в Гламаздино, вид открывается изумительный!

К югу от Репнева края, почти сразу за огородами, среди полей раскинулся небольшой лесок Макарик(его площадь около трёх гектаров).

О происхождении его названия в народе существует легенда, а может, и быль. Кто теперь это узнает? После отмены крепостного права пришёл в наше село красавец-парень крепкого телосложения, с вьющимися светлыми волосами и голубыми глазами. Поговаривали, что Макарик (так звали молодого человека) любил девушку, которую отец не отдал замуж за него. Невеста, узнав об отказе родителя, утопилась, а он ушёл навсегда из родных мест.

Макар был трудолюбивым, работающим. Ходил по дворам, помогал людям, тем и зарабатывал себе на пропитание. Жил он отшельником,

летом в шалаше, а зимой в землянке, которая стояла на опушке лесочка. Многие в селе хотели бы заполучить Макара в зятя, но никто из местных красавиц его не интересовал.

В наших местах он пожил недолго, года три, а потом также неприметно исчез, как появился. Лесок с той поры стали именовать Макариком, в честь загадочного жителя.

Надо сказать, что местечко это было в самом деле уникальным уголком природы. Помню, когда мы осенью вернулись из эвакуации, у нас ничего не было из продуктов, тётя Ксения пришла домой раньше, и, хотя на полях ещё было полно мин, наносила из Макарика груш, яблок. Яблоки заморозили на чердаке, груши засушили в печи. Запаслись крапивой, диким луком, всякими лекарственными травками. Так, благодаря её заготовкам, зиму пережили. От голода и болезней спас нас щедрый Макарик.

В послевоенные бедные годы мало было радостей и развлечений, а Макарик являлся для нас прибежищем, манил своими богатствами и красотой. В нём росли дубы, клёны, берёзы, липы, осины, орешник, черёмуха, калина, шиповник. Летом и осенью он одаривал людей грибами, земляникой, орехами...

Каждый уголок удивительного лесочка имеет своё название. В центре расположен Большой Бугор, на верхней площадке обширная полянка, по краям которой росли молодые, стройные берёзки. Напротив Большого Бугра находится Петухов, названный в честь произрастающих здесь «петушков» (шалфея), которые покрывали в середине лета взгорки синим ковром своих цветов. Между буграми били ключи. В восточной части Макарика находится глубокий ров, где всегда растёт много опят.

От гламаздинских огородов в лес вела тропинка, упиравшаяся в красивую опушку. Цветущие растения сменяли друг друга, преображая поляну. Она была то золотой от лютиков, то синей от колокольчиков и шалфея, то алой от гвоздик и клевера. Радовали глаз ромашки, ландыши, божьи слёзки, Иван-да-Марья... Летом из Макарика носили

вязанками траву, которую жали серпом, так, как косить не разрешалось. Сено было такое душистое, что как говорили старики, хоть чай заваривай.

В сталинские времена рубить деревья и кустарники строго запрещалось, брали в лесу лишь сушняк, но и его носили только вязанками. Вozить возами не дозволялось. Потом пошло-поехало. Стали вырубать деревья твёрдых пород, не пощадили орешник. Зато расплодилось липы, которые на дрова не годятся, поэтому они стоят сами по себе, падают, гниют.

Темно сегодня в Макарике, неуютно. Исчезли цветущие полянки, заболочены лужайки, заросли крапивой, осокой и конским щавелем. Не найти теперь в лесу шалфея и адониса.

Я редко бываю здесь и не только потому, что нет времени. Мне просто больно смотреть на то, что осталось от этого удивительного уголка моего родного края.

Иду по тропинке босая,
Ступни омыв в росе
Здесь раньше кусты Иван чая
Цвели в первозданной красе
А нынче – крапива глухая
Стеною стоит на пути,
А дальше – чащоба такая,
Что уж невозможно пройти.
А здесь, где гвоздика пестрела,
Берёзку-подружку нашла.
Согнулась она, постарела,
Хоть стройной когда-то была.
И ствол её в наростах, в шрамах,
Изранена, как на войне.
Полянка вся в рытвинах, ямах...
От ран этих больно и мне.

Очень жаль, что той трогательной русской родной красоты не увидят никогда мои внуки. Сколько поколений людей радовал Макарик, а за каких-то сорок лет его изуродовали, уничтожили.

Весна!

Ласково журчит рядом ручей. Ветер носит странный аромат то ли цветов, то ли арбузной свежести, но какой-то волнующий, так и хочется не только куртку распахнуть, но и душу.

Стою и слушаю крик блаженной вороны на верхушке дерева. И мне хочется тоже закричать во всё горло что-то озорное, весёлое. Весна!

Потом тишина. Вдруг на вербе тихонько: щёлк! Словно губами кто причмокнул. Молчу, тишину караулю. И снова рядом этот звук, будто кто-то вздохнул, обласканный тёплым ветром. Раскрываются почки. Смотрю, верба вся пушистыми комочками покрылась, смешными, взъерошенными. Мне кажется, что это не почки, а зайчата маленькие разбежались по веткам и расселись на них. Щёлк! И будто не почка лопнула, а сама земля вздохнула... В стороне журчит ручей, что-то шепчет прибрежным деревьям. Невольно чувствуешь пробуждение природы. Воздух хмельной, будто брагой напоён. Я сливаюсь с природой и с трепетом жду чего-то нового, непременно радостного. И кажется мне, что надышавшись вдоволь свежего весеннего воздуха, совершу что-то грандиозное. Душу переполняет счастье предстоящей работы, сладость жизни, а из души просятся на волю простые стихи.

Пушистые зайки.

На ивовых ветках сидят,

А ивы стоят на лужайке,

И в чистую воду глядят

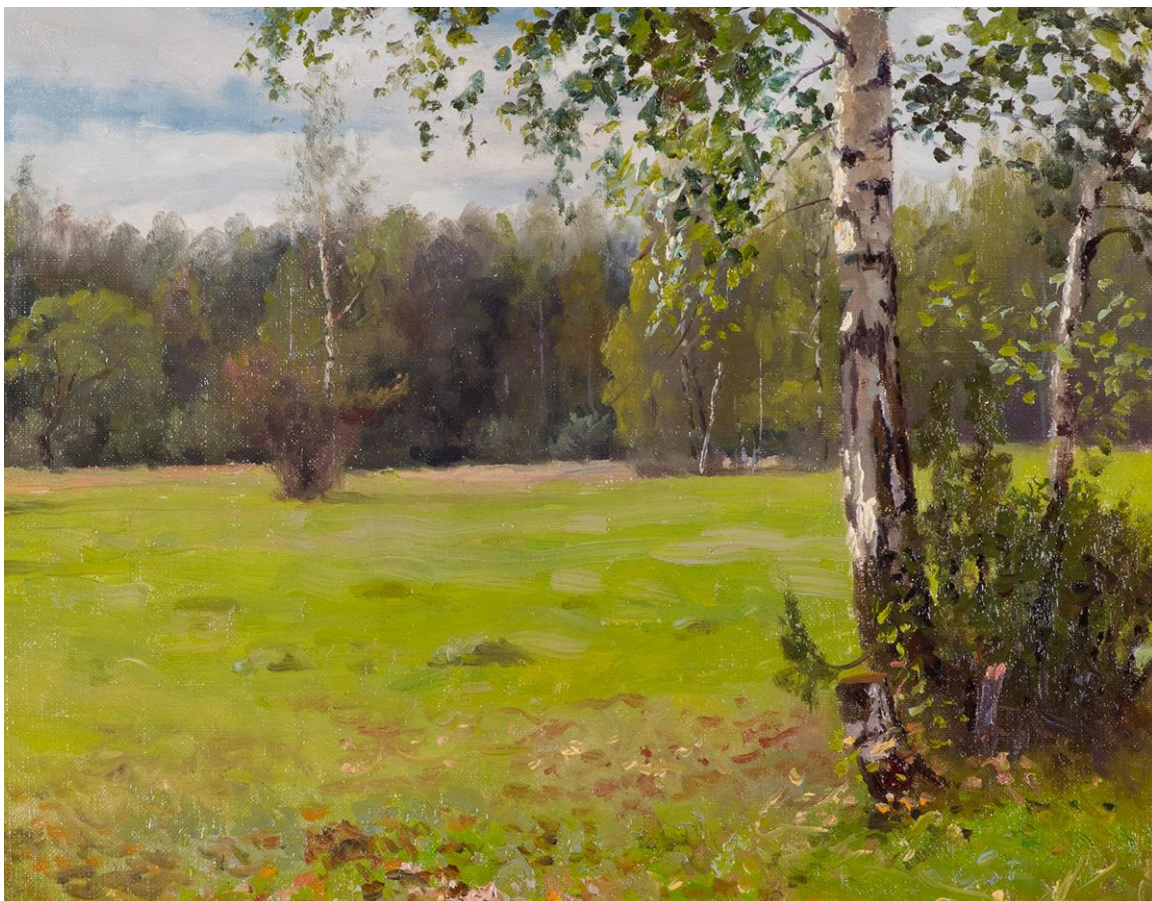
Пушистые, серые зайки.

Как будто со мной говорят:

– Неярок наряд, без сомненья.

Не модный совсем, к сожаленью.

А всё-таки новый наряд.

Дорогие мои земляки

Иду я по родной сельской улице и будто читаю историю Гламаздино, биографии моих земляков. Вот пустырь, заросший бурьяном, когда-то здесь стояли дома, с уважением вспоминаю их хозяев. Они ходили по этой улице, пахали землю, сажали сады.

Вот бывшая улочка Пятницкая, сегодня от неё осталось только название, а ведь совсем недавно тут жили люди. Будучи детьми, мы любили играть на Пятницкой, зимой собирались у тёти Насти Артамоновой, вязали кружева, пели народные песни, праздновали Святки.

Сейчас, сквозь пелену прошедших лет, я вижу своих односельчан и понимаю, какой удивительной душевной красотой они обладали. В простой одежде, с натруженными руками, неиссякаемым юмором, искромётной шуткой, бескорыстные и добрые – такими я помню и люблю вас, дорогие мои земляки!

Прасковья.

Прасковья, Паша, Паня, Пава – по-разному называли в селе в селе женщин с таким именем. По имени отчеству тогда величали людей образованных, из интеллигенции, или пользующихся особым уважением. Мою героиню стали называть Прасковьей Акимовной уже лет в тридцать.

Родилась она в Деменино, в большой бедной семье. Начать с детства? Да его и не было, с семи лет стала нянькой, в школе ни одного дня не училась, в двенадцать уже жала, вязала на снопы, в семнадцать выдали замуж в село Веть в семью Змеёвых (именно выдали, тогда не спрашивали согласия, родители решили – и всё). Замужем Прасковья прожила четыре года: мужа забрали на войну (Первую Мировую), где он вскоре погиб. Детей у Прасковьи не было, но со свёкром и свекровью жила ещё несколько лет, чувствуя, что живёт в качестве батрачки: работает с темна до темна, а прав никаких. Вернулась к родителям. Братья поженились, пошли дети, семья большая, работники нужны, а Паша уже отрезанный ломоть, работать – пожалуйста, а слова молвить – не смей.

В 1920 году посватался к ней вдовец с посёлка Культура, у которого двухлетний сын без матери остался. Она, не раздумывая, согласилась. Пришла в семью восемнадцатой: свёкор со свекровью, двое братьев с жёнами и детьми и муж с ребёнком. Там её сердечно приняли, маленькому Феде Прасковья сразу стала настоящей матерью. За следующие восемь лет она родила ещё троих сыновей.

Где-то я слышала, что бабьи судьбы делятся на две категории: когда живут с мужиком, и за мужиком. И разница между ними огромная. Один мужик жену свою каждый день за волосы таскает и думает: она за ним живёт. Но женщина только тогда взаправду душой привязана, когда чувствует себя за мужиком.

Не берусь судить о тонкостях судьбы Прасковьи, но нелёгкая она у неё была. Построили себе дом, стали жить отдельно. Пятеро мужчин, хозяйство, на работу в колхоз надо было бегать. Нездоровится, встать не может рано, полежит каких-то полчаса, а потом всё равно встаёт и закрутилось, завертелось: чугуны в печку, скотину кормить. За стол некогда присесть, а она уже тем сыта, что своих мужиков накормила. И никто никогда не удивлялся, не восхищался. Что тут такого? Обычное дело, все так живут. Все, да не все.

На четверых мальчишек штаны не успевала зашивать, заплатки ставить. Слава Богу, обувка летом не нужна, до холодов босиком бегали. Набедокурят ребята, рассердится, грозитя отцу всё рассказать, а он на порог – молчит, как будто ничего и не было.

Все удивлялись, что из четверых сыновей Прасковьи особо старшего выделяла, как-то больше любила и уважала. О том, что она ему не родная мать, парню сказали, когда он уже взрослым стал.

Шли годы, дети росли, радовали, порой огорчали, но мать вроде бы и не чувствовала трудностей. Первая туча на семейном горизонте появилась неожиданно. В посёлок приехала учительница, а вскоре подружки и кумушки стали нащёптывать Прасковье, что эта новосёлка – любовница мужа. Как она восприняла новость? Все ожидали, что взорвётся, устроит разнос. Но всё было тихо, пристойно.

Что чувствовала оскорблённая женщина! Может надеялась, что всё это сплетни, от зависти всё, а может, что толку скандал устраивать – перебесится, с семьёй всё равно останется.

Мужа перевели на работу на Хомутовский пенькозавод, дома он бывал теперь только в выходные. Зимой, при начальной школе открыли ликбез, а занятия вела та самая учительница.

Прасковья одной из первых записалась на курсы. Уж очень ей хотелось хоть чуть-чуть дотянуться до «учёности» мужа. Он в то время уже трактористом, потом и механиком работал. Первой научилась читать, писать и гордилась этим.

Младшему сравнялось тринадцать. Старшие, окончив школу, уехали учиться. А тут война! Двое сыновей погибли, третий оказался в фашистском концлагере, о нём до 45-ого ничего не было известно. Мужа оставили для подпольной работы, а когда район оккупировали немцы, его отправили в Астрахань. Ловил рыбу для фронта в рыболовецкой артели. Прасковья осталась в военное лихолетье с меньшим сыном. Он для неё был светом в окне, стимулом жить дальше.

В эвакуации заболела тифом, чудом выжила. Вернулась, а впереди холодная и голодная зима, к тому же после болезни сил почти не было. Взяли в школу техничкой, убирать и печи топить. Тут-то она узнала, что разлучницу партизаны расстреляли за связь с немцами.

Вот как то время вспоминает её младший сын: «Позовёт меня мать дрова пилить для школы. Пилим, и вдруг голова закружится, в желудке боль, рот наполняется слюной, и падаешь от голода. Мать каждый день давала мне хлеба кусочек. Бог знает из чего, а сама говорила, что свою долю она уже съела». Это потом он понял, что мать всё ему отдавала, спасая свою кровиночку.

Голод, горе, лишения и беды сказались на здоровье. Прасковья тяжело заболела. Операцию ей делали в Харькове, но, увы, после тяжёлой болезни её не стало. Из пятибеззаветно любимых и дорогих ей мужчин в последний путь её провожал один муж. Двоих сыновей не

стало в войну, один был в то время далеко на Сахалине, младший служил в армии и не успел на похороны.

Я лично не знала Прасковью Акимовну, никогда не видела её, но много хорошего слышала о ней от соседей, родственников. А была эта женщина матерью моего мужа, моей свекровью.

Такая большая любовь.

Спустя много лет, окунаясь в прошлое, я думаю о том, какие удивительные люди жили рядом. Моему поколению повезло: было у кого учиться жизни, с кого брать пример.

Василий Иванович Лазарев стал рано единственной опорой для родителей. К двадцати годам ни разу не влюбился, не женился, как многие его сверстники. Всё отшучивался, что некогда.

Его дом стоял (и до сих пор цел) напротив кирпичного особняка купца Тита, самого богатого человека в Гламаздино.

Как-то перед Спасом купец снарядил обоз с товарами на ярмарку в Дмитриев. Для сопровождения он нанимал молодых надёжных парней.

Предложил ехать и Василию. Тот согласился: кому ж не нужны живые деньги.

Выехали затемно, но ехали не спеша, жалели лошадей. Не доезжая километров десять до города, уже вечером, остановились покормить лошадей. Как только начало светать, тронулись в путь. По дороге нагнали группу женщин и девушек, которые шли на ярмарку. Шутили, смеялись, вызвались некоторых подвезти. На воз к Василию подсела розовощёкая красавица с толстой русой косой. Звали девушку Прасковьей. Познакомились, всю дорогу разговаривали. Встретились и на самой ярмарке. Василь, вернувшись домой, часто вспоминал Пашу, хотел ещё её повидать.

Через год, когда Тит опять собирался на ярмарку, Василь сам предложил свои услуги. Приехали, распродали товар и налегке отправились домой. Доехав до знакомого перекрёстка, Василь упросил товарища приглядеть за лошадьё, привязал её к передней телеге. Свернул на перекрёсток. На краю села на огороде увидел девушку, подошёл спросить, как найти Прасковью.

Незнакомка согласилась проводить парня. Пошли переулками, чтобы «не было лишних разговоров». Девушку звали Евгения. Путь лежал на другой конец села. Как-то сама собой завязалась беседа, и вскоре они разговорились уже как давние знакомые. Шли, шли, да так и не дошли, вернулись тем же путём, у околицы простились. Василь направился домой, всю дорогу пешком топал, лапти вдрызг разбил. Но усталости он не чувствовал, потому, что понял: «заболел» любовью. Что бы ни делал, куда бы ни шёл – всё думал о Евгении. Терпел, терпел, а потом признался родителям. До самой весны страдал Василь от мысли, что девушка выйдет замуж. Они ведь тогда ни о чём не договаривались. Не давал покоя и вопрос, пойдёт ли она за него.

Евгения ведь была из благородных – дочь сельского учителя.

Так хотелось увидаться! Попросил у отца коня, чтоб съездить к девушке. Тот пожалел скотину, ведь скоро в поле. Отпросился у родителей, обещая «возвернуться через сутки», и пошёл к любимой

пешком. На улице грязь непролазная, самое время распутицы. Да что ему грязь, ноги сами несли! Пришёл как раз вовремя. За Евгению уже трижды сватались, но она всем отказывала, надеясь, что Василь вернётся.

Свадьбу справили по осени и зажили молодые «как голуби». Работать приходилось много, поскольку родители болели, но всё-таки находили время и на отдых, и на развлечения. На святки на вечеринки ходили, до которых раньше Василь был неохочий. Евгения веселилась, а он сидел где-нибудь в уголке и глаз с неё не сводил.

Мать, бывало, спросит, кто играл, как одеты были парни и девчата, а сын молчит, улыбается. Та переспросит, а Василь в ответ:

– Не видел, не знаю. Я на Евгешу глядел.

– Чудак-человек, она там что одна была?

– Не одна, но лучше её точно никого небыло.

–Тьфу! – всплеснёт руками родительница. – Совсем ополоумел.

Масленица. Молодёжь на санках с Поповой горки катается. Василий с Евгешей тоже. Он тащит салазки наверх, а она со звонким смехом летит с горы. Муж тает от счастья – жене радость доставляет.

Когда родителей не стало, сами за хозяйство взялись. Большого богатства не нажили, но и не бедствовали. Вторую лошадь завели, корову породистую, мелкую живность. Родились три дочери.

Выпало на их долю и лихолетье: революция, гражданская война. В 30-ые не раскулачили, потому как супруги всё «лишнее» отдали добровольно, спокойно, с достоинством.

Потеряли почти всё, что нажили потом и мозолями. Дочери выросли. Анна вышла замуж в Гламаздино. Мария и Шура уехали в Москву. Потом грянула война, эвакуация. Остались без всего, слава Богу дом уцелел, а самое главное – не растеряли они любовь, нежность, уважение друг к другу.

Не помню, чтобы о них кто-нибудь говорил плохо. Колядовать к бабушке Евгении и деду Василию отправлялись всегда в первую очередь. Они щедро одаривали ряженных бубликами, сладостями, которые им присылали дочери из Москвы. Лазаревы были кумовьями моей бабушки, и она их часто навещала. Первым делом, кто бы ни пришёл, угощали чаем из самовара с сахаром вприкуску.

Как-то бабушка в гости заглянула, а кум, вытряхивая крошки из ящика, сокрушался, что нечем угостить.

– Опять всё раздали на коляду?

– А как же, кума, на то и праздник.

– Праздник-то, праздник, а самим и чаю не с чем попить.

– Да не дрогнет рука берущего, да не оскудеет рука дающего, – со смехом отвечают супруги.

Бабушка то ли с завистью, то ли с одобрением рассказывала:

– Подумать надо, кумовья мои до старости дожили, а всё как в молодости. Обедают непременно вместе. И обед-то немудрёный, но у них похож напраздничный. Перед едой по маленькой рюмочке винца или наливки (Евгеша делала сама). Едят не торопясь, делятся новостями, советуются.

Вместе они прожили 59 лет. Однажды Евгения Павловна устроилась в сених лущить фасоль. Посидела на сквозняке и схватила воспаление лёгких. Тяжело болела, но в больницу не легла. Схоронил жену Василь и затосковал. Приехала дочь Шура, осталась жить с отцом. Только это его мало утешало, плохо ел, почти не спал, «всё звала его Евгеша по ночам». Он высох, сгорбился, в глазах печаль затаилась и ожидание чего-то. Ровно через год, день в день, его не стало. Умер тихо, без мук, вроде не болел.

Вот такая судьба и любовь была у этих замечательных людей.

Из династии Шипулиных.

Фамилия Шипулиных у нас в селе когда-то была самая распространённая. Носившие эту фамилию были связаны родственными узами. Сегодня судьба разбросала потомков Шипулиных по городам и весям, лишь некоторые из них остались на родной земле.

В конце XIX – начале XX века жил в Гламаздино Федосей Шипулин. Семья, даже по меркам того времени, была большая и довольно бедная. Федосей воевал в первую мировую и в Гражданскую. Сыновьям: Сергею, Николаю и Павлу – довелось пройти через пекло Великой Отечественной. Сергей погиб, оставив троих детей сиротами. Николай вернулся без ноги, Павел прошагал фронтовыми дорогами от Курска до германской границы. Был артиллеристом. В битве на Курской дуге уцелел и даже не был ранен. Сам удивился, как выжил, вспоминая бои, где всё смешалось: огонь, дым, осколки, растерзанные тела солдат, гул танков, самолётов, грохот артиллерии и крики людей. Позже его ранило в плечо, попал в госпиталь, но как только маломальски подлечился – опять на фронт, в наступление.

Шёл артиллерист Шипулин на запад, теряя друзей, товарищей по оружию. Довелось ему освободить Молдавию, форсировать Днепр. Уже в Румынии Павла Федосеевича вторично ранило, на этот раз в голову. Опять в госпитале не стал долго залёживаться. Несмотря на то что в артиллерии стоял жуткий грохот, а Шипулина одолевали головные боли, он никому не признавался и стойко держался у орудия.

Войну Павел закончил на подступах к Германии. Домой вернулся с сияющими на груди медалями. Но одной из них – «За отвагу», полученную на Курской дуге, особо гордился. Вообще же, П.Ф. Шипулин не любил рассказывать о своих военных подвигах, а награды и вовсе не надевал, объясняя жене и детям, что его главная награда, что он уцелел. Провожая сыновей в армию, наказывал служить хорошо, чтоб не опозорить фамилию.

Старые раны давали о себе знать, и в год 35-летия Победы Павла Федосеевича не стало.

Сегодня уже новое поколение Шипулиных, в роду которых насчитывается 82 потомка, встаёт на защиту Родины. Внук Сергей учится в Высшем командном артиллерийском училище, так что выросла смена фронтовику.

След на земле.

Вспоминаю часто семьи, жившие в нашем селе после войны. Редко в каком было 2–3 человека, обычно 5–6. На нашем Репневом краю жили Несыновы и Гламаздины. Я хорошо знала их, так как они были сверстниками и друзьями моими и моих братьев. В то время не было такого понятия «малоимущие». Никто этим семьям не помогал, да они и не приняли бы помощи – гордость не позволяла. Родители не ныли, не жаловались, достойно несли свой крест.

Андрей Андреевич Гламаздин, как все односельчане его возраста, ушёл на войну в первые её дни. Дома осталась жена Настя с малолетними дочерью Надей и сынишкой Виктором. Хозяин воевал на Южном фронте, был участником Сталинградской битвы, сражался под Орлом, имел два ранения, причём после второго остался без руки. Вернулся домой, а тут одни старики да подростки с бабами. Женщины по-доброму завидовали Насте. Муж хоть искалеченный, но живой с войны пришёл. Андрей Андреевич скоро приловчился работать одной рукой: дрова колол, воду носил, даже коня сам запрягал. Настя одного за другим родила Андрею сыновей: Григория, Сергея, Петра, Николая. Итого в семье шестеро ребятишек подрастало. Когда же женщина поняла, что вновь беременна, то «посоветовавшись» с кем-то, решила избавиться от ребёнка. Тогда это считалось преступлением, всё делалось тайно. Но случилась беда. Пышущая здоровьем женщина ушла на тот свет, оставив шестёрку детей. Разве можно описать, рассказать о таком горе. Но надо было жить, детей на ноги поднимать. Андрей Андреевич привёл в дом новую жену Нюру из посёлка Новый Свет. У той был сынишка трёх лет, тоже Коля. Так стало в семье Гламаздиных два Коли. Время было трудное, а для такой большой семьи, тем более. Даже много повидавшие гламаздинцы думали, что долго Нюра не выдержит – сбежит. Не сбежала. И никому не жаловалась. Находилась доброхоты, «жалели деток», мол, мачеха, потому и работать много заставляет – сама, как барыня. Но в семье трудились все. Один воду носит, другой дрова колет, третий поросёнка кормит – у каждого своё дело.

А что же «барыня»? Ей надо было два ведра картошки в день начистить, через два дня хлеба запечь. Помоеет, бывало, свою ораву, уложит младших на печке, старших на лежанке, а сама стирает, сушит, потом ставит многочисленные заплатки на штаны и рубахи, чтоб утром всех одеть в чистое да крепкое. Пока со всем управится, уже и зря занимается, пора печь топить, кормить детей, за скотиной ухаживать. Небыло у Нюры ни выходных, ни праздников. К тому же родились у них и двое совместных дочерей – Люба и Маша. Их тоже Гламаздины на ноги поставили. Как-то я спросила Анну Егоровну, как она решилась

на такой, без преувеличения сказать, героический поступок. Ведь вырастить и воспитать девять детей совсем не просто. Она рассмеялась:

– Какой тут героизм! Пришла в дом, посмотрела на детей и осталась. Я с одним сыном без мужа – и то тяжело было, а тут шестеро без матери. До сих пор помню их глаза. Ничуть не жалею о том, что пришла в такую семью. Покойный муж был хорошим человеком, уважал меня и дети уважали. Жили трудно, но в согласии. Как-то и выросли все незаметно. Перед смертью супруг руки мне целовал и просил прощения, что не дал лёгкой жизни. Да я и не хочу другой доли.

Выросли и разлетелись дети из родительского дома. Почти все обосновались в Ялте. До высоких постов не дослужились, но трудятся добросовестно, за что и снискали уважение. Ещёбудучи живым, Андрей Андреевич отмечал рождение 28-ого внука, так что, представьте сами, сколько Гламаздиных сейчас живёт в Крыму. Вот уж действительно, оставили Нюра с Андреем добрый след на земле!

Богатырь.

«Да, были люди в наше время... богатыри – не вы...» – эти лермонтовские строки очень подходят к моему земляку Зиновию Афанасьевичу Анищенкову. Корни его предков затерялись где-то далеко на Кубани. В начале прошлого столетия лихая судьба забросила братьев Анищенковых в наши края. Обосновались в селе Романово, потом один из них «пристал в зятя» в Гламаздино. Зиновий прожил большую жизнь, здесь выросли его дети, достойно продолжают династию внуки, правнуки и праправнуки. Он был уникальной личностью. По сей день его вспоминают добрым словом. Роста невеликого, но кряжист, широк в груди, руки, никогда не знавшие покоя, как валуны. О нём говорили: «Грубо скроен, да ладно сшит». Сказать, что он был мастеровым человеком – значит, ничего не сказать. Хлебопашец и печник, бондарь и сапожник, плотник и механик, он всё делал на совесть. В колхозе трудился, почитай, всю жизнь. Кем он только не работал, его ум, золотые руки везде находили применение.

Сила в нём была неимоверная. Бывало, возьмёт с воза под мышки по мешку зерна и несёт играючи. Двор у него был небольшой, на лошади не развернуться, а он и не пытался, просто брал телегу за задок и одним махом разворачивал её на 180 градусов.

Был такой случай. Его сын Иван Зиновьевич после армии работал в сельской лавке. Привезли на подводе товар. Мешки, тюки, ящики разгрузили быстро, а вот столитровую бочку с маслом никак не могут снять. Вдвоём не поднять, а вчетвером не удобно взяться. Зиновий Афанасьевич проходил мимо, и поняв в чём дело, сходил в ближайший двор за вожжами, сделал из них большую петлю, накинул на бочку, приладил на плечо и, расставив пошире ноги, поднял поклажу и понёс в лавку. Толпа замерла. Опомнившись, мужики побежали следом, чтобы помочь опустить бочку. А богатырь, как ни в чём не бывало, отряхнул руки и молча удалился. Было ему в ту пору далеко за пятьдесят.

Повстречала как-то его внучку, спросила, помнит ли она своего деда. Улыбаясь, та захлёб стала рассказывать.

– Помню, а как же. Очень добрый был. Заболею или обидит кто, бегу к нему. Дедушка на голову положит свою большую ладонь – боль и обида сразу отступают. За обедом усаживал рядышком и поучал, чтоб всё с хлебушком ела, кусочков не оставляла – это грех большой. Грубости, мата сроду от него не слыхали, пьяным никогда не видели, не любил такого свинства.

Доброта и бескорыстие, как у былинных русских богатырей, были нравственным стержнем Анищенкова.

С войны в село не вернулись 126 мужиков. Вдовы шли за помощью к Афанасьевичу: кому косу отбить, черенок к лопате приладить, у кого печь задымила. Никому не отказывал. Принесёт соседка пяток яиц, чтоб хоть как-то отблагодарить, а он обратно вернёт, мол, детям неси, их корми.

Анищенков слыл в округе необычным человеком, даже юмор у него необычным был. Одни смешили людей шутками да прибаутками,

другие – анекдотами, а Афанасьевич вообще много не говорил, но чувство юмора имел удивительное.

После войны принято было праздники справлять вместе, звеньями. Особенно любили отмечать Октябрьскую, гуляли по два дня. Собрались как-то в хате Семёновых. Отгуляли седьмого, а восьмого утром стряпухи «наводили ревизию», готовились к ещё одному вечернему застолью. Они знали, что бригадир после наряда обязательно зайдёт позавтракать. Любил он лапшу с бараньей требухой. Кухарки решили подшутить: порезали кусок холстины и добавили в лапшу. Когда Зиновий Афанасьевич пришёл, налили большую миску стряпни, большой ломоть пшеничного хлеба положили и стали наблюдать, что же будет дальше. Бригадир всё съел, промокнул кусочком хлеба остаток юшки, смёл в ладонь хлебные крошки и, водрузив картуз на голову, уже от порога сказал: «Спасибо, бабоньки, лапшица хорошая была, но только требуха малость недоварилась».

Целый день стряпухи хохотали. Вечером гулянье продолжилось. Усадив жену за стол, Афанасьевич пальцем поманил одну из кухарок и, наклонившись «проворковал»:

– Ефросинья, с завтрашнего дня всю неделю будете с Прасковьей солому на ферму на Галимосеке возить.

Фрося несколько секунд, открыв рот, смотрела на бригадира, потом растерянно пробормотала:

– Помилуй, Афанасьевич, мы перед праздником целую неделю мучились. Ты что шутишь?

– А что только вам можно шутить? – парировал тот.

Работать на ленивом и упрямом Галимосеке было сущим наказанием. Целую неделю все потешались над незадачливыми шутницами, наблюдая, как они «управляются» с норовистым конём. А те, чуть не плача, сокрушались:

– Ну и Зиновий. Он же сразу нас раскусил, всё понял... Но как же так? Ведь сами видели, съел, да ещё спасибо сказал.

А мудрая бабка Хима подвела резолюцию:

– Зиновий? О-о-о, это мужик! Силён да умён – два уголья в нём.

Афоризм Химы пусть каждый понимает, как хочет. А вся суть заключается в том, что на таких вот чудо-богатырях испокон веков держится российская деревня да и вся наша матушка-Русь.

Соль земли.

Я хочу рассказать о замечательных людях – Владимире Орестовиче и Розе Илларионовне Лямцевых, жителях посёлка Березовое. Они знают зачем пришли в этот мир, для них родное поле, родная земля не просто слова. Хлебобобы в 8 – 10 поколениях, чьи корни глубоко вросли в землю, политую потом и кровью.

Но сначала немного истории. Посёлок Березовое образовался примерно в 1911 году. Первым обосновался на новом месте Филипп Никишин. К 1930 году здесь уже насчитывалось дворов 35. С какой стороны ни посмотришь на посёлок – диву даёшься, какая красота! Расположен он на склоне увала, его огибает пологом ложбина, где протекал ручей и были устроены три колодца. С южной стороны – поле плодородной земли. И вся эта благодать окружена сосновым бором, рощами да дубравами. Земля, вода, сенокосы, лесные дары, что ещё нужно человеку! Колхоз в Березовом был крепким, богатым. Имелись свои маслобойка, крупорушка, начальная школа, клуб.

Сюда в 30-ые переселился из Гламаздино с семьёй и Орест Северьянович Лямцев. Вместе с супругой они воспитывали трёх дочерей и сынишку. Две старшие, уже взрослые, учительствовали, младшая, Катя, в школе училась, а Владимир, отцовская опора, пока ещё подрастал. Глава семьи – хозяин толковый, работающий, такими же трудолюбивыми росли и дети. Жили хорошо, дружно. Но грянула война. Мужчины уходили на фронт, оставляя хозяйство на плечах стариков, женщин, детей. А вскоре немцы оккупировали район. Березовое находилось у леса, поэтому партизаны приходили в посёлок часто... Прознав о связи местных жителей с народными мстителями, 23 марта 1943 года фашисты учинили над ними расправу. С собаками, под прицелом автоматов людей согнали в конюшню. Пожилых женщин и детей отпустили, оставшихся 30 человек, в том числе двух окруженцев, трое суток держали взаперти, пытали, а затем расстреляли. Среди казнённых были 58-летний Орест Лямцев и две его дочери. Володе и Кате удалось убежать в Гламаздино и спрятаться у родных. Оттуда они видели, как полыхал их посёлок. Потом эвакуация, возвращение на

родное пепелище. На дворе стояла осень, а у них ни кола, ни двора, но нужно было выживать. Копали землянки, строили шалаши, холодные, голодные, кое как дотянули до весны. Всё начинали с нуля.

Володя Лямцев был способным пареньком, но после окончания семилетки учиться дальше не пошёл – не до того. В 18 лет женился. Отправился как-то на святки в Арсеньевку на улицу, там и приглянулась ему одна девушка. Вскоре они поженились. Через год родилась дочь, следом сын, а молодого отца забрали в армию.

– О-хо-хо-хо, как мы тогда жили! – вспоминает Роза Илларионовна. – Хлеб только хлебом назывался и того не вдоволь, главная еда – картошка. Молоко лишь детям и на сдачу государству. Спала не более 4 – 5 часов. Спасибо свекрови, она за детьми присматривала и по хозяйству помогала. А я в колхозе пропадала день-деньской. Пришёл супруг из армии, сразу начали строиться. Спасибо, что у мужа моего руки золотые, всё сам делал, никаких работников не нанимали.

Владимир Орестович поспевал и дома, и в колхозе. Односельчане уважали его: надёжный, серьёзный работник, никогда не подводил. Под его руководством возводили первые кирпичные фермы, сам он устанавливал оборудование, 25 лет руководил свинофермой. Всё это время рядом с ним трудилась не покладая рук супруга. Работали на совесть, за что оба стали орденоносцами, награждались медалями, грамотами, получали премии. Сейчас на заслуженном отдыхе, можно бы было и уgomониться, да куда там: не привыкли эти люди сидеть без дела... Встают, как и прежде, до петухов, двор полон живности... Как и положено в крестьянском хозяйстве, имеется лошадь, корова, свиньи, полно всякой птицы, есть своя пасека. Но это ещё не всё. Владимир Орестович славится на всю округу самобытным кулибиным. Всё, что во дворе «крутится-вертится», выполнено его умелыми руками. Мельница, кормоизмельчитель, деревообрабатывающий станок, фаэтон на мягких рессорах, мини-трактор – это далеко не полный список того, что он изготовил. В Гламаздино на усадьбе дочери умелец возвёл по собственным чертежам ветряк. Старший внук Егор уже на дедовом тракторе огород пашет, пятилетний Володя пока присматривается, но

уже видно, что растёт смена мастеровому деду, есть кому своё дело передать. Несмотря на возраст, всё такая же хлопотунья и Роза Илларионовна, по-прежнему всюду успевает. Таких, как Лямцевы, в народе называют трудоголиками. За всю свою жизнь они не изменили себе. Нелегко жилось супругам, но по жизни они прошли достойно, гордо, о таких, как они, говорят – соль земли русской, её основа.

Р. С. 20 января 2005 года Владимир Орестович отметил 75- летие! В свою очередь мы хотели бы поздравить его с юбилеем и пожелать ему крепкого здоровья и всего самого наилучшего.

/На снимке З.Н. Кудрявцева (в центре) со своими героями/

Есть у гламаздинцев ангел-хранитель.

В январе 1963 в живописном посёлке Культура родилась девочка. Появилась она на свет в рабочей семье: отец — колхозник, мать — штатный животновод. Родители в вечных хлопотах, поэтому дочь была с бабушкой.

В то время в Культуре ещё работала начальная школа, которую Валя Чертова (моя героиня) успешно закончила и пришла в Гламаздинскую десятилетку. Жила в школьном интернате, где в двух больших комнатах стояло 16–18 кроватей, а на 40 учащихся был один воспитатель. Выспаться не всегда удавалось, а уж уроки учить... Однако 8 классов Валюша окончила хорошо. Хотела уйти из школы, чтоб в интернат не возвращаться, но директор документы не отдал. Он коротко сказал девушке: «Получай среднее образование!»

Перед самым окончанием Гламаздинской средней Валя встретила с родственницей, которая захлёб рассказывала о Рыльском медучилище, о профессии медика. Слушая её, девушка решила подавать документы в это учебное заведение. Она успешно выдержала экзамены. Затем началась учёба, которая Валю увлекла.

Студенческие годы пролетели незаметно. Валентина Николаевна получила диплом с отличием, стала фельдшером — считай, земским врачом. Ей, как отличнице, предложили работу в Курске, но Валя отказалась, удивив комиссию по распределению. Девушка попросилась на работу в свой район. Главврач Хомутовской районной больницы В.Г. Зайцев назвал несколько сёл, куда требуются фельдшеры. Она выбрала Сквароднево. Потом перевелась в Ефросимовский медпункт. Встретилась с давним знакомым В.В. Ковалёвым, вернувшимся из армии. Видно, так судьба распорядилась. Их дружба переросла в любовь. Молодые люди поженились.

С 1984 года Валентина Николаевна живёт с семьёй в Гламаздино. Она для селян — ангел-хранитель. Вырастили они с мужем двух

прекрасных дочерей. Старшая оканчивает Московский институт леса. Младшая учится в Курске, будет стилистом.

В любую погоду, днём и ночью сельский фельдшер спешит на помощь к больным людям. Для того, чтобы они скорее поправились, нужно поставить верный диагноз, назначить эффективные лекарственные препараты. А кроме того, как считает Валентина Николаевна, медик ещё должен иметь добрую душу и чуткое сердце. Её ласковые, умелые руки, спокойный голос вселяют большую надежду на скорое выздоровление.

Милосердие – призвание В.Н. Ковалёвой. А сколько она всего знает! Часто учится на курсах, много читает. В минувшем году получила сертификат по специальности «лечебное дело». У Валентины Николаевны целый арсенал народных рецептов, помогающих при различных заболеваниях. Своими мазями, скажем, она вылечила людей с сильными ожогами. Знает фельдшер и комплексы лечебной гимнастики, которая также может помочь многим больным. Валентина Николаевна и рецепты фито-чая от разных хворей может предложить. А как она ставит уколы! Боли совсем человек не чувствует. Лёгкая у неё, знать, рука. Среди её пациентов много людей пожилых. Фельдшер всегда выслушает их внимательно, утешит, а это – верный путь к выздоровлению. Таит сердце Валентины Николаевны, когда мамы приводят к ней на приём малышей. Жаль, что в селе их сейчас маловато.

Недавно и сама В.Н. Ковалёва перенесла две операции. Как же переживали за неё гламаздинцы! Как искренне желали они своему ангелу-хранителю скорейшего выздоровления! Она, слава Богу, поправилась. Опять на своём посту. Ухаживает с мужем за старенькой бабушкой. Ведут они небольшое хозяйство.

Каждый день фельдшер Ковалёва посещает многих гламаздинцев на дому, понимая, насколько важна профилактика заболеваний, следуя своему девизу: «На первом месте – милосердие!»

Куриный доктор/картинки из детства/

После войны в Гламаздино было очень много подростков. Дружили, вместе играли, бедокурили, ругались и даже дрались. Правда девчоночья компания была побольше, поэтому у нас имелись свои забавы и интересы. Всегда снами во всех мероприятиях участвовал свой в доску Витька Лобов, или просто Лобик. При нём мы делились секретами, строили планы на ближайший вечер – знали, Витька никому ничего не расскажет, не выдаст... Он рано научился играть на балалайке, что являлось ещё одним его достоинством, поэтому мы единодушно позволяли ему везде следовать за нами. Витька рос без отца, жил с матерью, прабабушкой, младшей сестрой и был им опорой и помощником.

Полвека прошло, судьба разбросала нас по стране, многих уже нет в живых. Где он теперь, тот веснушчатый мальчишка с ямочками на щеках?

Мне вспоминается интересный случай, который произошёл в послевоенные годы. В углу просторных сеней у тёти Нади, матери Витьки, стоял старый сундук с зерном, которое выдавали на трудодни. Набирая зерно, чтоб смолоть муки на ручной мельнице, она забыла закрыть сундук. Там и зерна-то было «сиротские слёзы», но проныра петух по кличке Гордеич проскочил в сени, нашёл зерно и созвал кур. Наклевались они его до отвала. Вышли во двор. Одна курица упала на спину, лапы кверху, глазки прикрыла и отходит. Мать видит такое дело, что курице уже не помочь, говорит:

– Вить, заруби её.

Витька пожалел курицу, сносил её на «консультацию» к соседу, который поставил диагноз – «закупорка зоба». Принёс мальчишка курицу домой. Во дворе на табуретке расстелил чистую тряпку, положил курицу, выщипал на зобу перья, обработал нож йодом. Потом вжик – и разрезал.

Замерев, мы наблюдали эту картину через забор. Рядом с «хирургом» стояла его сестра и канючила:

– Перестань, Вить, над курицей издеваться.

А он тем временем вычистил зоб и обычной швейной иглой зашил рану. Курица полежала, потом пришла в себя. Несушка она была хорошая, долго ещё жила.

Весь Репнев край ходил смотреть на прооперированную курицу. С тех пор Витьку прозвали доктором. Местный фельдшер Николай Сергеевич при встрече называл его «дорогой коллега».

Авторитет у Витьки вырос в нашем кругу. Почти все девчонки в знак особого расположения тайно дарили ему вышитые носовые платочки. Правда, сам он ничуть не изменился, оставался таким же добрым, честным в игре и споре.

Годы, словно птицы пролетели...

Она родилась в мае 1933, потому и имя ей дали весеннее, светлое — Майя. Казалось, что семья, в которой она появилась на свет, будет всегда счастливой: родители Майи сироты с детства, очень любили друг друга, в Цуканове жили рядом. Миша Копцев уехал в Одессу и там поступил в военное училище. Невеста приехала к нему в одном платье и рваных сапогах. Их совместная жизнь началась в казарме, где стояли железная кровать и тумбочка.

Молодого лейтенанта направили служить в город Жмеринка Винницкой области. Постепенно наладился быт. Родились дочери Майечка и Леночка. Перед войной Михаил Копцев получил звание капитана. Всё было прекрасно, но война разрушила семью, как и тысячи других.

М. Копцев оказался на фронте в первые дни Великой Отечественной. Под бомбёжками жена с двумя малолетними детьми да ещё беременная еле добралась до родного хутора. Здесь и жили всю оккупацию у приютивших их родственников. Кто-то донёс врагам, что на хуторе скрывается жена офицера Красной Армии. Девочек родные спрятали, а их мать повели на виселицу. Но спас её, как это ни странно, староста полиции. Вскоре молодая женщина родила ещё одну дочь.

Как жили, даже страшно представить. Спасала, видно, вера в то, что муж и отец будет жив, но от него не было ни единой весточки. Оказалось, что майор Копцев попал в плен в самом начале войны. В 1945 он, как и многие «предатели», угодил в советские лагеря. Но нашлись добрые и честные люди, которые подтвердили, что в плену он оказался, будучи тяжело раненным и контуженным. Его освободили и вернули звание. М. Копцев ушёл в запас.

Вернувшись домой, он узнал, что жена его умерла от тифа в год Победы, а детей взяли в свои семьи родственники. Собрал Михаил девочек, которым было тогда 12, 9 и 4 года. Пришёл с ними к одинокой женщине в посёлок Ровное. Работал в школе военруком. Мачеха детей не обижала, но и особой ласки они от неё не видели, поэтому девчонки и покинули рано новую семью.

По окончании семилетки добрые люди устроили Майю лаборантом на Хомутовский маслозавод. Её, несовершеннолетнюю, даже оформить на работу законно не могли, а она старалась. Руководство это заметило. В 1952 направили Майю в Гламаздино заведующей сепараторным пунктом. Ей и 19 лет ещё не было. Потом заведующей поставили взрослую женщину, а её – лаборантом.

Стала Майя жительницей села Гламаздино. Здесь и судьбусвою встретила – Ивана Николаевича Лямцева. Вернувшись из армии, он поехал в Москву. Год проработал на заводе, приделся и вернулся домой. Как младший сын, он должен был доглядывать престарелых родителей. А тут время жениться пришло. Кто-то подсказал, что на сепараторном пункте работает хорошая девушка. Заглянул парень туда, познакомился с Майей. Они стали встречаться. Свидания длились около месяца, а потом Иван предложил девушке руку и сердце. У неё зарплата мизерная, всё приданное в чемоданчике помещалось, но жениха это нисколько не смущало.

Молодые поженились, а через год умер свёкор, через три года Майя похоронила свекровь. Стала она хозяйкой в доме. Муж работал в колхозе животноводом, и она пришла на ферму. Вскоре построили

Лямцевы новый дом. Родились у них два сына. Майя Михайловна 29 лет проработала дояркой. Была на хорошем счету. Её ценили, уважали, приглашали на слёты и совещания. Три созыва являлась М.М. Лямцева районным депутатом, а сельским – без перерыва. За добросовестный труд вручали Майе Михайловне почётные грамоты, высокие награды, среди которых есть медаль «За трудовую доблесть». А сколько подарков, премий к праздникам она получала!

М.М. Лямцева считает, что судьба ей выпала счастливая.

– Вызывают на слёт, бывало, а у меня сынок совсем маленький. Муж говорит: «Езжай, не волнуйся! Сам за детьми пригляжу». А ведь у нас и две коровы было, свиньи, гуси, другая живность. Он действительно со всем этим хозяйством управлялся. А вечерами, помню, детей уложим спать и сидим с ним допоздна: я вяжу, а муж цветы рисует масляными красками. До сих пор в рамках на стене висят его картины. Он и вышивать умел, а цветы какие выращивал!..Таких в селе тогда ни у кого не было.

Самым счастливым временем М.М. Лямцева считает то, когда родились сыновья, потом женились, потом появились на свет внуки. Ради детей и внуков она и живёт теперь. Младший сын Иван в Гламаздино остался. Кто зайдёт к нему во двор, сразу поймёт, какой он хозяин. Руки у него золотые. И старшим сыном мать довольна, и невестками. Жена Ивана – Галя – учительница, трудолюбивая, мастерица и уважительная.

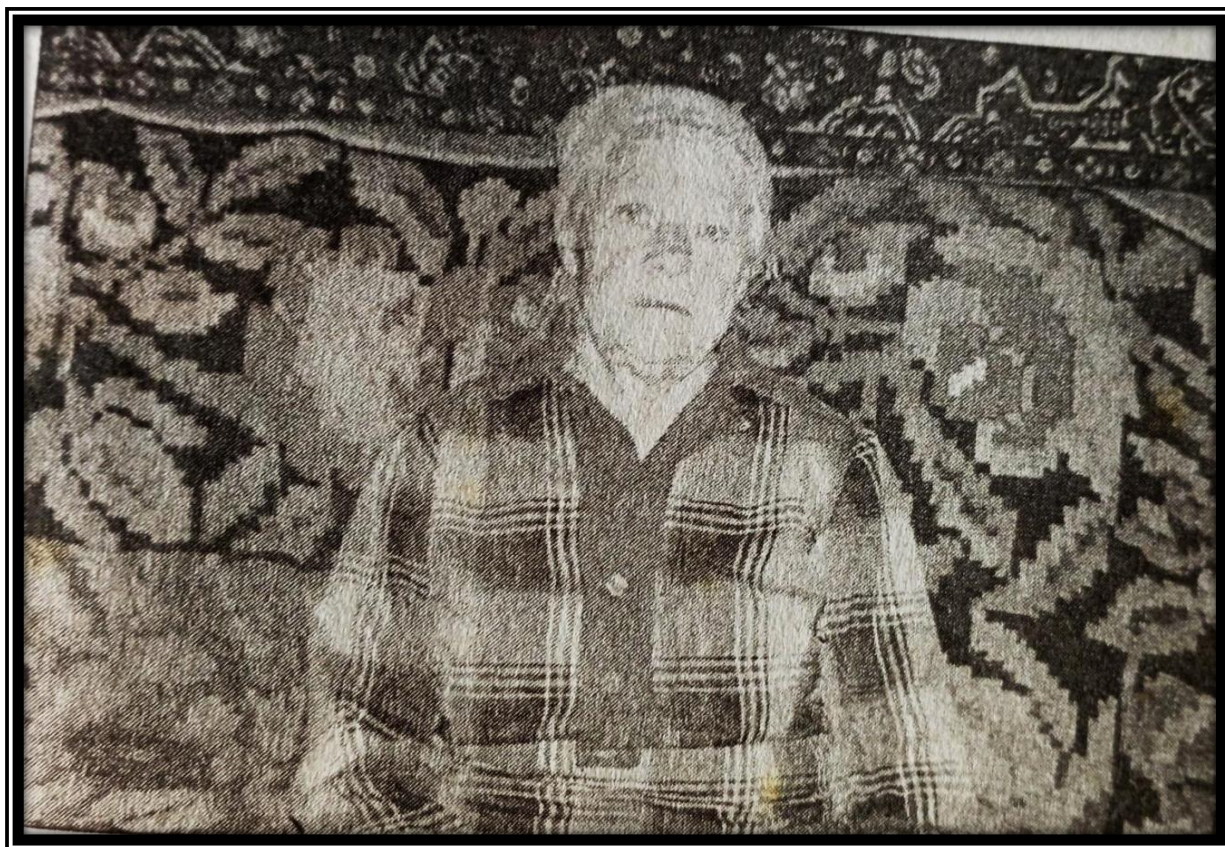
Живёт М.М. Лямцева одна, а дети и внуки ей помогают. Когда Ивана Николаевича не стало, год горевала. Скоро ей исполнится 75 лет, а она всё хлопочет по хозяйству.

– Для внуков стараюсь, хочу, чтобы образование они получили хорошее, профессию по душе, – делится моя собеседница.

Нынешним летом 2007 года приезжал в гости старший сын. Везил мать в Цуканов. Побывала она на могиле матери. Съездили и в посёлок

Ровное, где осталось только два двора. Еле-еле нашла место, где когда-то жила. После той поездки всю жизнь свою она вспоминала.

– Пролетели мои годы, как птицы, но были они счастливыми, – заключает Майя Михайловна.

/Снимок фото М.М. Лямцевой/

Выходила Надя замуж...

Надежду Савельевну и Владимира Нестеровича Соболевых я знаю всю жизнь. Вместе с ними окончила среднюю школу. Остались мы в родном селе, с тех пор дружим семьями. Вроде всё друг о друге знаем, но лишь недавно мне стали известны подробности об их женитьбе. Эта история мне показалась интересной....

Владимир Нестерович после школы выучился на шофёра. Крутил баранку до пенсии. Спокойный, рассудительный, трудолюбивый, он снискал глубокое уважение односельчан. О его супруге хочу рассказать побольше.

Мать Нади родом из Арсеньевки, отец – из Тёпловки. Поженившись, они уехали искать лучшую долю в Донбассе. Там у них родился сын Виктор. В 1941 счастливому отцу принесли повестку. Уходя на фронт, Степан Фёдорович попросил супругу, ждавшую второго ребёнка, назвать сына Степаном, а дочь – Надеждой. Дочь родилась в ноябре 1941-ого, а в 1944 на отца семейства пришла похоронка. До 1947 Анастасия Тихоновна мыкала горе на Украине, а когда начался голод, вернулась на родину.

Поселилась молодая вдова у родных в Тёпловке. Через месяц хозяева заявили: «Живите, но питайтесь отдельно!» Люди чужие ботву свекольную на борщ им давали. Но выжили они всё же благодаря трудолюбию и оптимизму.

Анастасия днём в колхозе трудилась, ударницей была, а по ночам людям шила. Подрос сын Виктор, окончил ПТУ, пошёл служить в армию, остался в Ростове на сверхсрочную. Непосильные нагрузки сказались на здоровье Анастасии Тихоновны – сердце прихватило. С 7 лет помогала матери Надежда, с 12 доила корову, топила печь, дрова на себе из лесу носила. Училась в Тёпловской начальной школе, потом в Малеевской семилетке. От больной матери Надежда не отходила ни на шаг.

В 14 лет девушка пошла в колхоз. Работала по наряду, была свиаркой, звеньевой. Взрослые женщины её уважали. Слыла она в округе знатной певуньей. В 1961 решил забрать в Ростов мать и сестру Виктор. В этом городе жил брат Владимира Нестеровича Иван, который с Виктором был знаком. Он сделал брату Надежды деловое предложение. Владимир живёт в Гламаздино, шофёр хороший. Он привезёт твоих родных в Ростов, а отсюда железо на крышу заберёт. Нам рейс дешевле обойдётся!

Приехав на родину, Виктор встретился с Владимиром, обо всём договорились. На другой день машина оказалась неисправна, на её ремонт требовалось время. Чтобы сообщить об этом, Володя пешком пришёл в Тёпловку. Это была его первая встреча с будущей женой.

– Я покормила гостя, чем смогла, вспоминает Надежда Степановна.
– Они поговорили с братом. Володя остался у нас ночевать, поскольку было уже поздно, очень холодно, шёл снег. Утром в Гламаздино ехал лесник. К нему на сани пристроили Владимира. Сзади положили его валенки. Лошадь почему-то понеслась галопом. Валенки упали с саней. Я побежала, помню, следом. Он увидел их на снегу. Кинулся навстречу. Схватил обувку и ходу обратно. Спустя годы, Володя признался мне, что очень хотел сказать в тот момент: «Завтра свататься приеду», но слова, видите ли, у него комом в горле застряли. Свекровь потом рассказывала Надежде: «Сын вернулся в тот день домой другим. Разговариваю с ним, а он не слышит. В конце концов признался, что понравилась ему одна девушка.

– Раз понравилась, так поедem завтра сватать! – говорю ему.

– Она уезжает. Уже узлы связали.

– Так развяжут!

На следующий день тётя Надежды, которая жила в Гламаздино, Владимир и его матушка, ещё двое гламаздинцев приехали на самом деле сватать ничего не подозревавшую невесту.

Володе было тогда 22 года, Наде – 20. Гости вошли в хату.

– А мы сватать тебя приехали! – сказала тётка.

Надежда ответила не очень-то приветливо и забилась в угол.

– Пусть молодые в сенцах поговорят! – поступила команда.

Жених и невеста вышли в сенцы. Молчали долго.

– Ты замуж за меня пойдёшь? – осмелился Владимир.

Надя размышляла: «Приеду к брату, а у него квартира не ахти, ребёнок малый, а у меня мама больная».

– Обижать не будешь? – поинтересовалась девушка

– Никогда!

– Тогда пойду!

Молодые зашли в хату, доложили о своём решении.

У хозяев настроение было чемоданное, но капусту квашенную, самогон на стол поставили, порезали хлеб и сало. Отметили событие.

– На двороглядие задержусь на денёк! – сказал брат.

На двух подводах поехали в Гламаздино на двороглядие. Около посёлка Гремячий повстречалась машина, за рулём – жених.

– Езжайте, мы погрузим солому, отвезём на ферму и всё, – заверил Владимир.

Подъехали в Гламаздино к дому жениха, а на дверях – замок. У невесты глаза на мокром месте.

Подошла соседка:

– Ну что сидите? Я знаю, где ключ. Если в сенцах холодец и кисель стоит, значит, вас ждали.

Открыли дверь. Угощение действительно стояло в сенцах.

– Хозяйка, наверное, по воду пошла, – пояснила соседка.

– Сейчас будет.

На сватовство и двороглядие ушло три дня. Свадьба была 3 декабря. И приданое у невесты было. Надежда сама вышивала, вязала... Сваты нарочно поставили пять столов. Все скатерти застелили.

– А как же любовь? – поинтересовалась я у Надежды Степановны.

– А любовь быстро пришла, как будто я Володю всю жизнь знала.

После свадьбы свекровь уехала в Ростов – экзамен молодым устроила. Без неё и корова отелилась, и свинья принесла поросят. Володя с Надеждой со всем справились. Вернувшись, свекровь осталась довольна.

Первым у молодых родился сын, а через три с половиной года второй. Сейчас у них уже и внуки взрослые, и правнук Александр есть. Сами седые совсем: 45 лет пролетело, но остались чистыми и светлыми их чувства, проверенные жизненными испытаниями.

/Фото Надежды Савельевны и Владимира Нестеровича
Соболевых/

Учитель /Слово о наставнике/.

Братья Аксинины Михаил, Сергей и Фёдор – выходцы из беднейшей семьи. До революции они успели закончить церковно-приходскую школу. Михаил всю жизнь был при должностях, даже работал председателем Меньшиковского сельсовета. Фёдор ушёл из семьи на отруб, построил дом, посадил сад, жил неплохо. У Сергея же судьба выдалась особенная...

Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Домой вернулся большевиком. С собой привёз будёновку и молодую жену Надю. Надежда была сама из Гламаздино. В неё Сергей влюбился ещё в детстве. Девушка тоже вышла из бедняцкой семьи, рано осиротела. Приятной внешности, не по-деревенски интеллигентная, она поступила в прислуги к владельцу экономии Заблоцкому. Сергея, как жениха, она просто не замечала. Что поделать, ни ростом, ни красотой не вышел, да к тому же ещё и бедняк. Перед революцией хозяева увезли её в Киев, сами вскоре бежали за границу, девушка мыкала горе на чужой стороне. Как Сергей разыскал Надежду, одному Богу известно. Короче, женился и считал себя счастливым, хотя всю жизнь прожил «на краю своего гнезда», то есть нелюбимым. Она не скрывала, что вышла за него от безысходности.

Сергей был трудолюбивым человеком, закончил рабфак, потом на учителя выучился и стал преподавать в нашей семилетке химию и биологию. Перед Великой Отечественной стал директором школы. На фронт не попал, воевать ушёл старший сын Николай. Когда эвакуировались, все спасали своё барахлишко, а Сергей Гурьевич – учебники. Домой вернулись через 5 месяцев, как раз в сентябре. И сразу же Сергей Гурьевич собрал учителей, начали приводить школьное здание в порядок. К ноябрю школа была готова принять детей. Обошли все дома в селе и в посёлках, взяли на учёт ребят. Особо было трудно с остеклением рам. Директор вынул стёкла в своей хате, а потом пошёл по селу собирать. Низ окон остеклили, а верх забили фанерой. В Гламаздино школа открылась первой. Благодаря стараниям Сергея

Аксинина, сохранились учебники, правда, одна книжка на 6 – 7 человек. Но в то время это считалось нормой.

Семья же Аксининых, как и раньше, влачила жалкое существование. Супруг с раннего утра и до ночи в школе, а домой придёт – есть абсолютно нечего. Жена не обременяла себя работой, дома всю жизнь просидела. На мужа ворчала или неделями не разговаривала. На сына Николая ещё в 1941 пришло извещение: пропал без вести. Двое младших к холодной зиме оказались разуты и раздеты. Рискую попасть на мины, пошли они собирать с убитых одежду, обувь, котелки, ложки...

В голодном 1947 назначили Сергея Гурьевича заведующим РОНО, зная, что за короткий срок сможет привести в порядок школы района. Поначалу у него даже транспорта не было, а заглянуть требовалось в каждое отдалённое село. Высокий пост совершенно не изменил Аксинина. Он всецело отдавался работе. Материальные ценности по-прежнему находились для него на втором плане. Сергей Гурьевич даже не замечал, что одежда изрядно обносилась, а жена заплатки и той поставить не хотела. Был такой случай. Директору уже выделили двухколёсную тележку и малорослую лошадёнку монгольской породы. Однажды приезжает он домой на этом гужевом транспорте. Одет в обрезанную шинель, будёновку, на ногах обмотки и солдатские ботинки. Подъехал к сельсовету, а председатель увидел и замечает ему со смехом: «Сергей Гурьевич, тебе для полной картины пулемёта не хватает».

Несмотря на свой комический вид, Аксинин пользовался непререкаемым авторитетом и уважением. У него без конца рождались идеи и способы их реализации.

А учитель – каких поискать!.. Пособий в то время в школе не было, но Сергей Гурьевич всё же что-то сохранил, поэтому даже ухитрялся опыты демонстрировать. Великолепно усваивался материал, который он преподносил. Я, например, спустя полвека, могу свободно написать любое уравнение реакции по неорганической химии.

После войны в школу ходили «переростки». За два года учащиеся разболтались, требовалось дисциплину наводить. Вызовет, бывало, директор хулигана в учительскую. И давай отчитывать. Самое ругательное слово у него «сморчок». Кричал громко, по всей школе слышно. Отругает, а потом успокоится и скажет: «Матери не говори, пожалей, и так ей не сладко приходится». После таких нравоучений нарушитель, как шёлковый становился.

Физическая нагрузка, голод довели Сергея Гурьевича до язвы желудка, и он вынужден был из РОНО вернуться в школу.

Трудности, невзгоды не сломали нашего учителя. Он обладал изумительным чувством юмора, мог посмеяться над собой. Часто рассказывал такой случай. Приехали из РОНО инспектировать школу. Проверяющий пошёл на урок русского языка, а Сергей Гурьевич решил блеснуть и показать опыт получения сероводорода на своём уроке. Подготовку к уроку вёл в пустующем кабинете рядом с классом, где в это время сидел инспектор. Между комнатами имелась дверь, кое-как забитая доской. С одной стороны сидит инспектор, с другой – колдует Акси́нин с сероводородом. Отвратительный запах проник в класс, ученики оглядываются на инспектора, перешёптываются, короче, урок русского языка сорвали.

В 1953 году было принято решение об открытии в Гламаздино средней школы. Пришлось полностью восстанавливать старую барскую усадьбу, лежавшую в руинах. Каких сил это стоило! Но в декабре 1955 года мы уже перешли в новое помещение, и коллектив возглавил другой человек. Сергей Гурьевич остался работать учителем.

За свою жизнь он так и не научился элегантности в одежде. Бывало, сделает ему коллега замечание: «У вас опять не глаженные брюки». А он в ответ: «Это у вас брюки, а у меня штаны». Ни разу он не жаловался на не сложившуюся личную жизнь, отдал себя всего школе. Его труд Родина отметила многими наградами, в том числе и орденом Ленина.

Сегодня в Гламаздинской школе работает поколение, которое не знало С.Г. Акси́нина, лишь единицы тех, кто у него учился. Мне

посчастливилось быть его ученицей, я благодарна судьбе за то, что наукам и жизни учил меня такой человек.

Р.С. 21 сентября 2006 года исполнилось 110 лет со дня рождения Сергея ГурьевичаАксинина.

На снимке: педколлектив Гламаздинской школы 1 июня 1941 г. С.Г. Аксинин во втором ряду в центре.

Ксения.

Ксения Сергеевна Аксинина – моя тётя по отцу. Родилась она в 1908 году, росла без отца, в школе училась всего две зимы, рано начала работать. Муж умер через 9 лет после свадьбы, поэтому одна воспитывала сына, который рос неслухом. Внешность у неё была самая заурядная: рост выше среднего, слегка сутулая. Характер Ксения имела замкнутый, не любила много говорить (особенно сплетничать), никогда ни на что не жаловалась, трудолюбива.

Перед самой войной Ксения собрала денег и купила полдома. По тому времени это была хорошая квартира: небольшая кухня-прихожая и «просторная зала» с полами, оштукатуренным потолком.

Когда село наше оккупировали гитлеровцы, у Ксении поселился важный немец, который работал по снабжению. Обращаясь к нему, называли его бароном. Прислуживал ему другой немец, по имени Хельмут. Барон был выхоленным, приятной наружности и очень вежливым человеком. Чего нельзя было сказать о Хельмуте.

Ксения ютилась на печи, сын рядышком, на лежанке, а фрицы – в горнице. Иногда они заставляли хозяйку варить картошку, а то больше всё из банок что-то ели. Немцев женщина не боялась, страшно ей было за сына, шестнадцатилетнего подростка, целыми днями где-то пропадавшего. И опасения её были не напрасны. Однажды барон застал его в сарае, где паренёк разбирал какое-то оружие. Схватив смельчака за шиворот, гитлеровец притащил его на кухню к матери. У Ксении перехватило дух: «Сейчас застрелит обоих». Под горячую руку она залепила сыну такую затрещину, что тот отлетел к печке, а из носа полилась кровь. Немец недоумённо поднял брови, хмыкнул, и удалился в горницу. Мать загнала сына на печь, а вечером достала из потайного места жестяную банку с мукой, махотку топлёного масла и стала заводить блины. А стряпать Ксения была великой мастерицей. Отведав блинов, барон обалдел от удовольствия. Хозяйка по вечерам пекла теперь блины, а постоялец был в хорошем расположении духа. Масло закончилось в махотке, но в чулане под всяким хламом хранилась другая. Пошла в чулан, а её и след простыл. Днём Ксения видела, как оттуда Хельмут выходил – значит, он и украл масло.

Вечером хозяйка знаками объяснила барону, что масла нет и глазами указала на горницу. Барон, разыскивая вора, заглянул под кровать и увидел, как Хельмут пятернёй выгребает из махотки масло. Хозяин побледнел, по лицу заходили желваки. Таким, каким-то шипящим голосом он приказал адъютанту вылезать. Тот на четвереньках, трясясь и скуля, выполз, барон схватил его за грудки, правой рукой ища кобуру.

«Всё, сейчас прямо в хате застрелит, как же я тут жить буду», – подумала Ксения, и встала между ними. Барон обмяк, отпустил

Хельмана и вышел из дома. С того момента адъютант постоянно заискивал перед Ксенией.

Как-то поутру женщина спустилась под горку к колодцу и увидела страшную картину. Немцы собирались расстреливать семью: семидесятилетнего деда Никиту, скрюченного ревматизмом, бабушку Парашу, у которой правый глаз плохо видел от старости, а на левом было бельмо, их сорокалетнюю дочь Настю, упавшую в детстве с печи и повредившуюся умом. А расплатиться жизнями они должны были за то, что Настя плюнула в сторону немцев без стеснения справляющих нужду во дворе.

Ксения бросила вёдра, побежала домой. На пороге столкнулась с бароном, и тут ей в голову пришло попросить его предотвратить расправу. Она вначале пыталась ему всё объяснить, а исчерпав все аргументы, бухнулась перед ним на колени. Когда до барона дошло, чего от него хотят, он пошёл к колодцу. После долгого разговора «преступников» отпустили.

До вечера постоялец где-то пропадал, вернулся в хорошем настроении. Уплетая блины, сказал: «Ви ест хороши мат».

Вскоре немцы из села ушли, правда, наведывались иногда из Хомутовки, а так, «правили бал» в основном полицаи. Барон даже попрощался с хозяйкой, а Хельмут похлопал по плечу и подарил кусочек пахучего мыла.

Удивительным человеком была Ксения. Она искренне верила в то, что спасли соседей от расстрела её знаменитые блины.

ЭХО ВОЙНЫ

Земля, политая кровью.

Прошлой осенью мне довелось побывать в Понырях, проехать по тем местам, где проходили самые жестокие сражения Курской битвы. У Фатежа дорога сворачивает на север. Здесь обелиски и памятники встречаются чаще телеграфных столбов. Мы едем по земле, политой кровью. По обе стороны дороги ровные, как скатерть, ухоженные поля. Щурится осеннее солнце, перебегают с места на место стайки куропаток, в ближайшей балке пасётся стадо коров. Вокруг тишина и благодать, просто не верится, что 62 года назад здесь был крошечный ад.

Неподалёку от Понyreй останавливаемся. Ровная площадка утопает в зелени, тропинка ведёт к памятнику героям-сапёрам. По

периметру мемориальные доски, на которых высечены имена павших смертью храбрых. Их много, около тысячи...

Лето 1943 года. Фашисты намеривались осуществить на курской земле свой грандиозный план «Цитадель». Здесь были сосредоточены 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых, 900 тысяч человек живой силы, 10 тысяч орудий и миномётов, сюда же бросили и авиацию. Однако события развернулись не так, как планировали фашистские стратеги. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги» – гласит старая солдатская пословица. Готовились к сражению и наши войска. В районе Поньрей создали мощный узел обороны. На наиболее опасном участке Центрального фронта оборону держала 13 армия под командованием генерала К.П. Пухова. За стыком 13 и 70 армий в оперативной глубине расположилась 2-ая танковая армия генерала А. Г. Родина. Здесь же дислоцировались 9 и 19 танковые корпуса и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских частей. С воздуха войска фронта прикрывала 16-ая воздушная армия генерала Руденко.

До войны железнодорожная станция Поньри вся утопала в садах, славилась своей чудесной антоновкой. Яблочный дух встречал и провожал поезда. Во время войны аромат заглушил запах пороховой гари и дыма пожарищ.

На рассвете 7 июля 1943 года фашисты начали наступление на Поньри. Земля сотрясалась от взрывов тысяч бомб, грохота орудий, гула танковых моторов и лязга гусениц. Большую роль в достижении победы на Курской дуге сыграли минёры, которыми командовал полковник М.Ф. Иоффе. За 4 дня боёв они подорвали 143 танка, уничтожили 2500 вражеских солдат и офицеров. Минёры отбивали атаки вражеских автоматчиков, а в критическую минуту боя брали мины и ложились под танки, жертвуя собой. Когда наши войска перешли в контрнаступление, сапёры 3-ей гвардейской танковой армии за первые два дня сняли и обезвредили 4500 противотанковых и противопехотных мин.

В историю Великой Отечественной навсегда вписаны названия сёл и посёлков: Поныри, Ольховатка, Тёплое. До сих пор поисковые отряды находят на полях сражения оружие, захоронения неизвестных солдат, устанавливают их имена... Земля буквально напичкана осколками.

Поныровский музей Боевой славы имеет статус государственного мемориального. При входе начертаны слова из поэмы Е. Долматовского «Поныри».

Всю ночь бомбили Поныри,
Дорогу, станцию и мост.
Ракеты, вспышки, фонари
Затмили свет июльских звёзд...
И вот остановился враг
В огне, в крови, в дыму, в пыли.
На поле танковых атак
Столбы металла и земли ...

Сюда ежегодно приезжают оставшиеся в живых участники Курской битвы. По их воспоминаниям можно писать книгу о ратном подвиге участников сражений на Огненной дуге. Беспримерное мужество и отвагу проявил в этих боях младший лейтенант В.В. Скрылёв. Получив тяжёлое ранение в голову, с оторванной кистью правой руки, он продолжал командовать взводом, который уничтожил 300 фашистских солдат и офицеров. Ему было присвоено звание Героя Советского союза.

Связист стрелковой дивизии Першин, устраняя очередное повреждение линии связи, был тяжело ранен – ему оторвало правую руку. Придя в себя, связист захватил один конец кабеля уцелевшей рукой, а другой зажал зубами и так держал, пока его уже в бессознательном состоянии нашли санитары и отправили в медсанбат.

Здесь, на курской земле, сражались и мои односельчане. Александр Акимович Субботин был связистом, воевал в районе Ольховатки, получил ранение, но остался в строю. Разве можно покинуть товарищей, когда связь постоянно прерывалась и Александр Акимович вновь и вновь полз под огнём по горевшему ржаному полю устранять обрывы.

Шли тяжелейшие бои. Батарея капитана Игишева, подпустив вражеские танки на 600 – 700 метров, открыла огонь. 19 танков было уничтожено, остальные повернули назад. Семь танковых атак отбили артиллеристы. В том бою капитан Игишев погиб.

В боях на Курской дуге участвовали и братья Юдины Владимир и Николай. Они гордились тем, что именно здесь, на родной земле, получили боевое крещение. Им довелось стать свидетелями героического подвига лейтенанта Василия Большакова, который, как и Александр Матросов, закрыл собой амбразуру дзота. За участие в боях на Курской дуге Владимир Юдин был награждён Орденом Славы Первой степени, Николай – орденом Красной Звезды, а Александр Субботин – орденом Отечественной войны Первой степени. В Курской битве участвовали Г.И. Леонов, И. П. Киштанов, В.П. Рагулин, а М.А. Чеглаков, Д.С. Рагулин погибли в сражениях на Огненной дуге.

На территории Поныровского района находятся 23 братские могилы, на которых высечены имена погибших героев, два государственных мемориала, три памятных знака. В местах, где совершались беспримерные подвиги, сохранились окопы, блиндажи, противотанковые опорные пункты, проходит маршрут «Огненный рубеж». Поклониться памяти героев сюда приезжают тысячи людей со всех уголков нашей страны, а также из-за рубежа.

Не меркнет подвиг советских солдат, сколько бы лет ни прошло!

Эхо войны.

Война переломала, исковеркала судьбы многих людей и на долгие годы обрекла их на невыносимые страдания. Так было и с моими земляками.

В Гламаздино, пониже Репнева края, на улочке Пятницкой жила семья Степана Ивановича Артамонова. Вместе со своей супругой Германовной они воспитывали двух детей – дочь и сына. В 1929, не дожидаясь пока их раскулачат и сошлют, обратились к властям: берите, мол, что посчитаете нужным. Многое, конечно, забрали, но и после семья жила неплохо. Родители смогли выучить детей: сын закончил пищевой техникум, а дочь Люба – педучилище. В 35-ом Любаша, получив диплом, вернулась на работу в родную школу.

В августе к нам в село из деревни Курёнки пришёл молодой симпатичный парень Никита Рыжих. После военного училища он направлялся к месту службы и по пути заехал домой, в Гламаздино. Люба и Никита познакомились и, как говорится, полюбили друг друга с первого взгляда. Люба была пухленькой, румяной хохотушкой, с толстой, длинной, ниже пояса, медно-золотистой косой. Никита – чуть выше среднего роста, стройный, подтянутый, новенькая офицерская форма сидела на нём как влитая. Красивая пара, что и говорить. Через неделю сыграли свадьбу, а еще через три дня молодые уехали далеко – на польскую границу. Было в то время Любе чуть больше 18 лет.

Никита быстро продвигался по службе, жена в детском саду работала. Домой писали часто, письма всё радостные, счастливые были. В 36-ом у них родился сын Вова, в 39-ом дочь Люда, в 41-ом Люба ждала ещё одного ребёнка, а тут...

22 июня они проснулись от грохота взрывов. Успели схватить детей, выскочить на улицу, и дома, где они только что находились, не стало. Муж сразу же ушёл, Люба больше и не видела его. К вечеру подъехала машина, солдат велел грузиться и ехать на восток. С маленьким узелком и детьми она два дня в потоке беженцев двигалась по дороге, которую бомбили и обстреливали фашистские самолёты.

При каждом налёте прятались в поле. На третий день в машину попала бомба. Дальше шли пешком, дочь пришлось нести на руках, а сын плёлся рядом. Где-то под Гомелем колонну беженцев догнали машины с нашими солдатами. Они решили подобрать женщин с детьми, остановились, началась давка. Люба с двумя малышами, да ещё беременная, никак не могла залезть в кузов. Кто-то помог передать сына Вову солдатам, но тут раздался гул самолётов, машина тронулась, а она с дочерью так и осталась на дороге. Отбомбив, фашисты улетели, оставшиеся в живых, перешагивая через трупы, двигались дальше на восток, лишь Люба стояла на коленях и, устремив безумные глаза к небу, выла. Сколько времени прошло, она не помнила, люди шли и шли мимо, а женщина всё стояла на коленях, рядом с ней в пыли девочка. Какой-то сердобольный старик с коляской остановился, поднял Любу, дал воды, умыл дочку, угостил сухариком. С этого момента много дней шли вместе с ним. Он заботился о женщине с ребёнком. Люба шла молча, не жаловалась, почти ничего не ела, в душе её теплилась надежда, что где-нибудь, может быть в следующем городе или деревне, она догонит своего сына.

Немцы реже стали обстреливать беженцев, но в один из дней налетели трижды. Все побежали в поле, попадали в траву, лежали, пока всё не стихнет. Когда Люба встала, взяла дочь на руки, оглянулась в поисках старика, то в пяти шагах увидела искорёженную коляску и рукав пиджака – всё, что осталось от попутчика. Даже имени его не узнала. Дальше продвигаться было труднее, ночи стали холодными, ноги кровоточили, обувь давно порвалась, вещи из узелка женщина променяла на еду.

Наступил сентябрь, дорога домой пролегла через Брянскую область. Около Камаричей Люда заболела, пришлось просить приюта в маленькой лесной деревушке. Трое суток без сна просидела несчастная мать у постели ребёнка. В избу заглядывали то немцы, то полицаи, но быстро уходили, пугались тифа, правда, у дочери было воспаление лёгких. Бог, наверное, услышал молитвы матери, девочка начала поправляться. Люба решила идти дальше, оставаться опасно, да и

холода приближались. Домой пришли уже после Покрова. Родители дочь не узнали. Седая, худая, в лохмотьях она переступила порог своего дома. Через месяц родился мальчик, которого назвали Игорем, как хотел Никита.

В 43-ем пришлось пережить эвакуацию, умерла мать. Осенью вернулись домой, хата, к счастью, уцелела, начали восстанавливать разрушенное. Пришла долгожданная весточка от брата Пети. Он выходил из окружения, дважды был тяжело ранен, но продолжал воевать. Вот только Никита не откликнулся, хотя от его родственников знали, что он жив. Люба писала ему сама, но ответа не получала. В августе 44-ого после ранения пришёл солдат то ли из Малеевки, то ли из Подов. По слухам стало известно, что он видел Никиту. Люба отправилась к нему, чтоб всё узнать из первых рук. Из рассказа фронтовика узнала, что Никита жив и здоров, уже в звании подполковника воюет, но есть у него ППЖ, она врач, вроде бы ждёт от него ребёнка. О том, что Люба потеряла ребёнка, он знает, сказал, что это он не может простить жене.

Трудно передать словами, что чувствовала молодая женщина, узнав обо всём, ведь ей было всего 27 лет, а сколько уже пережито и потеряно.

Когда закончилась война, Любовь Степановна работала в школе, дети росли, но ни днём, ни ночью она не могла забыть тот страшный день, когда потеряла своего сына. Писала письма, запросы, а результата никакого.

В 49-ом не выдержала, поехала к Никите. Думала, увидит детей и вернётся к ней, но её даже на порог не пустили. У него уже было четверо детей, и он не захотел встречаться с бывшей женой, да к тому же новая заявила, что Игорь вовсе не сын Никиты.

По пути домой у оскорблённой, убитой горем женщины стали появляться признаки буйного помешательства. Её сняли с поезда, отправили в психиатрическую больницу, а детей в детдом. В вещах нашли адрес родных, дедушка тут же приехал и забрал внуков. Обо

всём прознал Никита, приехал. Не хотел Степан Иванович отдавать детей, да что поделать – он отец.

Два года Любовь Степановна лечилась. Вернулась домой худая, тихая, молчаливая. Через полгода сказала отцу, что поедет за детьми. Он отговаривал, но она настояла на своём. Приехала, поговорила с соседями и те ей всё обрисовали. Люде минуло 12 лет, но в школу не ходит, а за няньку сидит с пятым ребёнком. Живут голодно. А Игоря вообще не видно. Любовь Степановна обратилась в органы опеки. Когда она увидела детей, то думала, что сойдёт с ума. У Люды длинные косы сбились в колтун, по всей голове струпья, вши. Игорёк в свои 10 лет весил всего 16 килограммов. Да и остальные дети выглядели не намного лучше. Повидалась и с Никитой. Он очень изменился, стал стариком, куда подевалась его офицерская стать. Оказалось, что новая жена – хозяйка никудышняя, за детьми не смотрела, дом запустила. До слёз стало жалко Никиту, и решила для себя, что она куда счастливее его будет, только бы Вову найти. Забрала детей и уехала.

В 59-ом году мы в школьном саду сушили сено. Видим, идёт почтальон, в руках несёт большой синий конверт. Все сразу догадались, кому он предназначен. В письме сообщалось, что разыскиваемого мальчика усыновила женщина, которая уехала из города, и указывалось место, куда она отбыла. В конверте была и фотография, где запечатлена группа детдомовцев. Любовь Степановна сразу узнала в одном из них своего сына. Мать на следующий день поехала за Вовой. Нашла приёмную родительницу, но ребёнка у неё не оказалось. Трое суток пришлось ждать, пока горе-мамаша не протрезвеет. А когда та очухалась, то узнала, что мальчика она взяла для того, чтобы скрасить одиночество, но приёмный сын не хотел её признавать. Он почти не разговаривал с ней, часами стоял у окна и шептал: «Мама, мама». Приметное родимое пятно на теле мальчика опекунша вытравила кислотой, теперь там остался шрам. Потом женщина вернула ребёнка в детский дом. И снова начались поиски.

В 1961 году Любовь Степановна получила письмо от одного молодого человека. Он описывал свою судьбу, подходил возраст,

имелся шрам, но только звали его не Владимиром, а Анатолием. И тем не менее материнское сердце подсказало, что это и есть её сын. Она сразу поехала к Анатолию и через неделю вернулась вместе с сыном.

20 долгих лет длились материнские страдания и, наконец-то, все дети вновь были с Любовью Степановной. По этому поводу была устроена вечеринка. Мать сидела между сыновьями и тихо улыбалась. Потом Владимир-Анатолий запел. Голос у него оказался такой же сильный и красивый, как у отца, и в песне были такие строки:

Надо мной небо синее,
Облака лебединые,
И бегут, и зовут
В дальний путь за собой.
Через все расстояния,
Через все ожидания
Я пойду и найду
Путь к тебе одной.

Односельчане слушали и плакали, только мать улыбалась, все свои слёзы она уже выплакала за эти долгие 20 лет...

Партизанская семья.

В наше Гламаздино с войны не вернулось 89 человек, почти столько же умерло от ран в первое послевоенное десятилетие. Считай, с каждого двора ушли на фронт по 2 – 3, а то и 4 человека. Война показала, на что были способны простые советские люди. Они проявили чудеса мужества и героизма.

О семье Петра Дмитриевича и Ольги Александровны Юдиных можно написать целый роман. Женились по любви, в любви и согласии прожили всю жизнь, воспитали шестерых сыновей – Сергея, Николая, Владимира, Леонида, Валентина и Александра. Трудно приходилось, пока дети на ноги не встали. Зато какое это счастье – видеть достойное продолжение рода! Трое старших уже успели определиться, а младшие пока подрастали. Но пришла война и порушила планы, мечты, надежды. Трое сыновей Юдиных ушли на фронт. Сергея тяжело ранило в плечо, живот и голову, но он выжил и после госпиталя вернулся домой в оккупированное немцами село. Николай и Владимир попали в окружение, чудом уцелели, тоже вернулись домой. В 1942 ушли в партизаны.

В то время в Гламаздино хозяйничали полицаи во главе со старостой Никитой Рагулиным. Укрывались немецкие приспешники в кирпичном здании церкви. В ноябре партизаны напали на них, завязался бой. Много полицаев бесславно сложили свои головы. Со стороны народных мстителей погиб всего лишь один человек. По этому поводу из Хомутовки в село вызвали коменданта и донесли, что в Гламаздино живут семьи партизан. Выдали семьи Юдиных, Лазаревых и бывшего директора МТС Ф.Г. Артемьева, оставленного райкомом для подпольной работы.

За Юдиными пришли староста и двое полицаев. Велели собираться. Поведут их, мол, в волостное управление. Под дулами автоматов вели по сельской улице, которая словно вымерла в тот момент. Люди от страха попрятались по домам. Арестованных было 8 человек: глава семьи Пётр Григорьевич, сыновья Леонид (15 лет), Валентин (13 лет),

маленький Саша, которого мать Ольга Александровна несла на руках, не успевший оправиться от ран Сергей, его жена Нюра с семимесячным сыном. Полицаи злорадствовали, говорили, что скоро всему гнезду Юдиных придёт конец.

Когда пришли в волость, там уже были жена и сын Артемьева, а жена Лазарева успела спрятаться. Комендант передал переводчику бумагу, тот зачитал приказ о расстреле. Мужики все переносили стойко, невестка словно окаменела, жена Юдина плакала, а сынишка вытирал слёзы на лице матери и спрашивал: «Папа, почему мама плачет?» Комендант расспросил у Петра Григорьевича всё о семье. Тот честно признался, что двое сыновей воюют. Потом он о чём-то переговорил с переводчиком, который сказал старосте: «Герр комендант говорит, что ты дурак. Из-за двоих восемь душ убивать...» Юдиных отпустили. Пройдя метров триста, они услышали позади автоматную очередь – это расстреляли семью Ф.Г. Артемьева.

Чудом уцелевшие Юдины через два дня ушли к партизанам. До освобождения района находились в партизанском обозе. Лёня воевал вместе с братьями, ходил в разведку, участвовал в боях. За ним рвался и Валентин, но был он ещё слишком мал. С группой разведчиков в конце февраля Леонид находился около города Дмитриева, там они первыми встретились с частями регулярной армии. 1 и 2 марта он участвовал в бою у села Кузнецовка. Отважный, храбрый, Леонид старался в свои 15 лет не отставать от братьев. В бою за Кузнецовку он погиб. Его похоронили в братской могиле у посёлка Ли...ки, а 1970 году останки перезахоронили в городе Дмитриеве.

В том же партизанском отряде, где были Юдины, воевали и сестра Ольги Александровны Тася – Анастасия Александровна – вместе с мужем. Молоденькая учительница вместо книг взяла в руки автомат, чтобы защищать тех, кого учила. Они дошли до германской границы, освобождая наши сёла и города.

Сергей Петрович сразу же после освобождения села начал учить ребятишек в школе, но в 1949 умер от ран. Его жена, Анна Степановна,

тоже учительница, живёт сейчас в Челябинске с сыном Петром, с тем, кого семимесячным несла на руках, когда шла на расстрел.

Николай закончил войну в Кёнигсберге, Владимир дошёл до Берлина. Вернувшись домой, они работали в колхозе: один – ветеринаром, другой – главным бухгалтером. Валентин стал шахтёром. Только вот Леониду и Саше не пришлось определиться (первый погиб, второй умер).

Нынешнее поколение знает о войне только по книгам и кинофильмам, но надо, чтобы они знали и о тех, кто жил когда-то в их родном селе, также ходил по его улицам, работал, мечтал, а когда потребовалось, встал на защиту Родины и смело смотрел смерти в лицо.

... И тысяча дней ада.

Всё дальше уходят в историю суровые военные годы, наложившие чёрный отпечаток на судьбы наших родных и близких, просто знакомых людей.

В семье Сергея Ивановича и Прасковьи Акимовны Кудрявцевых, проживавших в посёлке Культура, было четверо сыновей: Фёдор, родившийся в 1918 году, Николай, рождённый в 1922, Михаил и Виктор, которые появились на свет в 1925 и 1928 годах. Они были

гордостью и надеждой родителей. Накануне войны Фёдор окончил Подольское артиллерийское училище, Николай – Курскую школу ВВС и учился в Ржевском лётном училище, Михаил учился в Николаевском судостроительном техникуме, а Виктор с отличием закончил 5 классов.

Когда грянула Великая Отечественная война, Фёдор – кадровый военный – сразу попал на фронт, погиб в 1941. Николай, даже не доучившись, тоже громил врага, пал смертью храбрых в 1945 на границе между Литвой и Латвией. Его могилу удалось разыскать родным спустя много лет после войны.

Михаил Кудрявцев в 1941 закончил три курса техникума. Хотел навестить родных и ехать на практику. Но началась Великая Отечественная. Враг стремительно продвигался на восток. Вскоре был оккупирован город Николаев. В августе Михаил собрался идти домой пешком, без продуктов, в летней одежде. А до дома по оккупированной территории 1000 км. Добродушная уборщица техникума уговорила его не рисковать, остаться до весны. Она взяла Михаила к себе на постой. А жизнь в ту суровую пору была очень трудной. Пережив осень и зиму, 16-летний парнишка по весне отправился в дальний путь, обходя стороной населённые пункты, чтоб лишний раз не попадаться на глаза врагам. Питался он травой да подаяниями. Шёл босиком, одежда истрепалась. Вот уже и Львовский район, железнодорожный вокзал. От усталости, очевидно, Михаил утратил бдительность и попался в лапы полицаям.

В это время на станции стоял состав, который отправляли в Германию. «Скотские» вагоны были, что называется, забиты молодёжью, которую везли в рабство. В один из таких вагонов, где ни лечь, ни встать негде, затолкали Михаила. Есть молодым людям не давали, раз в сутки приносили пить. Заедали вши. На каждой станции из вагона выбрасывали умерших, а их место занимали новые рабы.

До Германии узников везли больше месяца. Выживших поместили в концлагерь. Это был настоящий кошмар!

– Если и есть ад, – рассказывал Михаил после войны, – то я там «гостил» целых тысячу дней!

Заключённые жили в холодных бараках. Кормили их раз в сутки: давали миску баланды, в которой плавали несколько кусков свеклы или брюквы. Узники умирали пачками. В 1942 Михаила поместили в другой концлагерь. Под конвоем водили на работу. Если замешкаешься, били по рукам и голове. По ночам уставшее и истерзанное тело ныло, мучил голод. Надежды на побег, освобождение таяли с каждым прожитым днём. В короткие часы сна Михаилу снилось одно и то же: родной посёлок, весенние цветущие сады и мать, подающая на стол наваристый борщ и пахучий ржаной хлеб. В темноте он часто плакал тайком от тоски и боли. Были у Михаила друзья: поляк Збышек, чех Кароль, украинец Остап – увы, не дождавшиеся освобождения: фашисты забили их насмерть. До заключённых доходили слухи о приближающихся к Германии советских войсках. Всем очень хотелось выжить. Михаил подобрал однажды на помойке картофельную шелуху, чтобы испечь её на буржуйке. Фрицы заметили его, отхлестали ремнем с металлической бляхой. Очнулся он на нарах лишь через несколько часов (от тех побоев у него на голове на всю жизнь остался уродливый шрам).

– Наверное я бы не выжил, – рассказывал Михаил, спустя годы. Но в 1944 на заводе, где работали узники, посчастливилось познакомиться с немцем-коммунистом. Ему понравился скромный и честный русский паренёк. Он приносил на завод маленькие бутерброды, которые Миша тайно съедал в туалете.

Долгожданная свобода пришла в победном сорок пятом. Михаила и других молодых людей, выживших в аду, сразу отправили в госпиталь. Подлечившись, он прослужил 3 года в армии. В отчий дом вернулся в 1948. Сначала работал в колхозе, потом уехал в Николаев и закончил техникум. По направлению попал в город Углегорск, что на Сахалине. На крупном бумажном комбинате Михаил Сергеевич был инженером турбинного зала. Всё складывалось удачно: хороший заработок, семья. Но напомнил-таки о себе концлагерь коварной болезнью –

туберкулёзом. Лечился долго и победил недуг. Но не выдержало сердце. Судьба отпустила Михаилу Сергеевичу лишь 50 лет.

/Фотография бывшего узника концлагеря Михаила Сергеевича
Кудрявцева/

Пеструха.

Жила-была на Влызинском крае бабка Хима. Избушка её стояла на «верхнем порядке», слегка завалившись в сторону двора и выпятив завалинку на улицу. Хата смотрела на мир двумя оконцами, одно выше другого, потому походила на ухмыляющуюся рожицу. Сама Хима была прямой противоположностью избе – высокая, статная, приятная лицом и очень опрятная старуха. Жила она с дедом Романом – незаметным, всегда хворавшим стариком.

Была бабка умная да хитрая, имела «учённость», полученную в церковно-приходской школе. По всей округе Хима слыла знаменитой знахаркой, «любжи да привороты» делала. В клиентах недостатка не испытывала. Держали с дедом небольшой огородик, чем и жили. Из хозяйства у них была одна курица Пеструха, кто-то из клиентов отблагодарил. Хима курицу как-то сразу не зарубила, а потом пожалела и оставила.

Бывало, сидит бабка на завалинке, на коленях подсолнух с колесо, ведёт с соседкой разговор «про жисть», а Пеструха степенно и важно разгуливает у бабкиных ног, собирает оброненные семечки и звонко, на высоких нотах поёт: «Ка – ка – ка – ка». Наклюётся, вскочит на завалинку, притулится к бабкиному боку и дремлет.

Несла яйца Пеструха чуть ли не по праздникам, крайне редко, но зато через 5 – 6 дворов было слышно её хвастливое кудахтанье.

В сентябре 1941 в село пришли немцы. Хима вместе с соседями пряталась в погребе, а когда вылезла и вошла в избу, там оказались фрицы. Гитлеровцы потребовали затопить печь. Бабка вьюшку открыла, в трубу сунула тряпку и развела огонь. Хата наполнилась дымом. Немцы выкурились и больше Химу не беспокоили. Прошло три дня. Всю мелкую живность фашисты выловили и съели. Однажды услышала бабка во дворе шум, приоткрыла дверь, выглянула и обмерла. Трое дюжих немцев гонялись по двору за Пеструхой. Она, бедная, на плетень, с плетня на колоду, оттуда на сарай. Когда немцы споткнулись о колоду, произошло замешательство. Пеструха шмыгнула в

приоткрытую дверь мимо бабки, немцы следом. Вломились в избу, всё перевернули. Заглянули под лежанку, под загнетку, к деду на печь, перерыли постель. Нет курицы, сгинула.

Когда фрицы вымелись из хаты, Хима плюхнулась на лавку, недоумевая, где ж Пеструха на самом деле укрылась. Как только всё затихло, курица вылезла из печи. Заслонка в ней оказалась приоткрытой, вот хитрая Пеструха и нырнула в печь. Пока село жило под немцами, курица во двор ни разу не выходила, так и выжила.

Весной 1943 года было приказано эвакуироваться. Дед с бабкой собрались быстро. Хозяин сел на двухколёсную тележку, уложил узел с пожитками, на колени взял курицу. Хима сама впряглась в оглобли. Так и доехали до села Коробкино Конышевского района, считай 30 километров добирались. Тем же манером вернулись и обратно.

Кончилась война, а Пеструха всё жила, яйца уж давно нести перестала, масть потеряла, перо стало тусклым, казалось, завёрнута в грязную ветошь. Кто-то из соседей посоветовал зарубить курицу, но Хима отрезала:

– Пеструха не старая вовсе, а пожилая. У кого поднимется рука рубить такую умницу.

Пришла весна. Бабка вышла погреться на солнышке. Примостилась на завалинке. Пеструха у неё под боком.

– Пойду-ка, сосну часок перед обедом, – встала, а курица на завалинке осталась.

– Преставилась, сердешная, – только и промолвила хозяйка. Впервые в жизни соседи увидели слёзы на глазах Химы.

Лёнькина черёмуха.

Первый брак не удался, и Надя осталась одна с маленьким сыном. Но вскоре счастье улыбнулось женщине. Весной 39-го она вышла замуж за Леонида Артамонова. Молодой, трудолюбивый, добрый, порядочный, к тому ж и красивый, и весёлый, словом, завидный жених. Все удивлялись: сколько девчат в селе, а он взял с

ребёнком. Но сердцу нем прикажешь. А как любили они друг друга! Через год дочь родилась, но у них словно медовый месяц не кончался.

... Весна 41-го в наши края пришла ранняя. Взявшись за руки, влюблённые вышли по тропинке за огороды, где любили гулять, забрели в ближайший лесок Макарик. В зарослях черёмухи заливались соловьи, аромат белых цветов кружил голову. Надя, знатная певунья, любила петь под гармошку и, конечно же, соловьиные трели не оставили её равнодушной. Лёнька потянул маленький кустик черёмухи, и он вырвался с корнем.

– Посажу около дома, а через пару лет будем с тобой по вечерам своих соловьёв слушать, – пояснил Наде.

Огородил палисадник, черёмуху в углу посадил и скамеечку поставил рядом. Небольшой саженец принялся и начал расти.

Через два месяца грянула война. Одним из первых ушёл на фронт Артамонов. Прощаясь, просил жену беречь детей, черёмуху и ждать. Обещал вернуться. Долго Надя ждала писем с фронта, но вместо долгожданного треугольника пришла похоронка. А она всё ждала, считая, что чёрная весть – это ошибка.

Район оккупировали немцы, люди вынуждены были эвакуироваться, покидали родные места. Собрала свои пожитки и Надя. Посадила детей в телегу, а сама пошла проститься с черёмухой... Упала на колени, обняла деревце, слёз не было, только тоска и боль в сердце. Ох, счастье, какое же ты короткое...

Закончилась война, Надя всё ждала и ждала своего Лёню.

А черёмуха тем временем разрослась. Каждую весну она покрывалась белоснежными цветами и в её зарослях пели соловьи. Всё, как когда-то говорил Лёня.

Здесь, под раскидистой черёмухой, стояла старая скамья, вокруг неё всё было утоптано нашими ногами. Здесь мы учились плясать, петь частушки под балалайку. Никто никогда не посмел сломать даже

маленькую веточку с дерева. Все знали – это Лёнькина черёмуха, черёмуха памяти, любви и верности.

Гришка.

В конце лета 1941 наши войска отступали на восток. На рассвете шли шляхом мимо Гламаздино. Здесь, очевидно, и был брошен раненый и контуженый конь. Он с трудом доплёлся до села и остановился ухаты деда Лёвы Никишина. А когда хозяин подошёл к нему, грохнулся тому прямо под ноги. Одному Богу известно, как и чем лечил дед Лёва коня, нок весне 42-го его было не узнать, только шея, вывернутая вправо, да глухота напоминали о контузии. Старик предлагал свою тягловую силу партизанам, но они побрезговали, а когда немцы бежали в 43-ем, то не погнушались, увели.

Осенью гламаздинцы вернулись из эвакуации. Самым счастливым на Репневом краю оказался дед Лёва. У него остались целыми и хата, и сарай, угол которого разворотило снарядом. У хлева (вот чудеса!) стоял тот самый конь. Худой, весь в лишаях и коросте, шею ещё больше свело. «Кормилец» от головы до хвоста выражал тягучую тоску. Соседи с сожалением высказывали, что его не выходить. Впереди зима, корма нет, в пору бы корову прокормить. Припомнили, что у кого-то такой же масти когда-то конь был по имени Гришка и окрестили этим именем бедолагу.

К весне всем на удивление, благодаря заботам деда Лёвы, Гришка оклемался. Он и старая кляча Машка, на которую даже полиция и немцы не позарились, были основной тягловой силой колхоза «Большевик». Конь, честно говоря, был ленив. Особенно не любил он ходить в упряжке. Зато на пахоту огородов Гришка был нарасхват. Медлительный, спокойный, ровно нарезал борозду за бороздой, идя по кругу, и останавливался сам, когда участок оказывался вспаханным.

Любил наш герой и попрошайничать. Подойдёт, бывало, к конюху дядьке Лёнчику сзади, и мягкими губами осторожно трогает ухо, словно что-то шепчет. Если конюх не реагирует, то конь начинал покусывать его карман. Не помогает и это, зайдёт спереди и жалобно ржёт. Видя такую картину, мы, ребятня, бежали домой за картошкой, кусочком картофельного хлеба и несли угощение на конюшню.

В первую послевоенную весну произошёл такой случай. Выехали пахать поле за Лебедиком. К тому времени сапёры уже очистили окрестности села от мин. Обойдя несколько кругов, Гришка вдруг остановился и ни в какую не идёт. Его и хлестали, и уговаривали, суля солёную горбушу, – он ни с места. Попытались зайти вперёд и за узду потянуть, конь тревожно ржал. Пахари сообразили, что тут что-то не то, бросили работу. На другой день в том месте нашли мину. С тех пор Гришка стал в глазах односельчан героем.

Со временем в колхозе появились ещё лошади, потом заработала МТС, и председатель распорядился коня-ветерана использовать только

для поездок на базар. Правда, вскоре и это ему стало не под силу. Под конец жизни конь ослеп и совсем оглох. Дожив до пятилетия Победы, Гришка умер.

Кормилица.

У животных, как и у людей, есть свои судьбы. У нашей коровы Зорьки судьба выдалась не позавидуешь.

Зорька появилась на нашем дворе задолго до войны, в году 36-ом. Нрава она была спокойного, ежегодно приносила по бычку и на молоко хорошая. В 41-ом всех голодных лошадей из колхоза «мобилизовали» и пахать стали обучать коров. Мама говорила, что наша Зорька с первого раза «повела борозду», не упиралась, словно понимала необходимость всего происходящего. Ноги у неё были коротковаты, шаг тоже, но ходила она спорно. Бабушка со слезами на глазах встречала корову, приговаривала: «Кормилица ты наша разнесчастная, твоё ли дело тянуть ярмо».

В 1943 году, когда нужно было эвакуироваться, впрягли коровушку в двухколёсную телегу, привязали кошулю, погрузили в неё узлы с пожитками, сверху посадили маленького братишку и тронулись в путь. Как сейчас вижу пыльную дорогу, обоз, впереди Зорька, бабушка держится за оглоблю, рядом идёт беременная мама и я. Переправились на левый берег Свапы, остановились, чтоб корова отдохнула, попаслась на лугу, а тут фашистские самолёты налетели. Началась бомбёжка. Ревут самолёты, земля вздыбилась от взрывов, кричат люди. Несколько человек погибло, кого-то ранило. Задело и нашу Зорьку. Рана, к счастью оказалась неглубокой. Пришлось потащить повозку на себе, корова еле дошла до деревни Платова. Там мы и пережили эвакуацию. После ранения Зорька молока давала мало, но всё же прокормила нас. Мама за молоко выменивала картошку, хлеб. Удалось выкормить и родившегося в эвакуации братишку. Осенью вернулись домой. Корова в тот год осталась яловой, да и кормить её, бедняжку, было нечем. Скормили соломенную крышу сарая, раскрыли в хате сени, даже ивовые ветки давали, но доила её мама всю зиму, чтоб по стакану молока детям было да «плевнута немного в похлёбку взрослым». Выжили.

Летом Зорька подналадилась, зимой принесла очередного бычка. В 1947 году опять голод. Из продуктов только картошка. Толпы нищих шли по дорогам. Поили молоком опухших от голода детей-побирушек.

Хатёнка у нас была небольшая, для нашей семьи тесная. Вот и решили строиться в 1949 году. Построили сруб, но деньги, что скопили на дом, пошли на облигации и налоги. Приходилось по ночам ездить на корове в лес, воровать стройматериал. Так наша кормилица и труженица Зорька помогла нам построить дом.

Годы шли, в семье всё чаще стали говорить о том, что, мол, Зорька все зубы «съела», даже сено жевать не может, что уже шестнадцатым телёнком ходит, может не растелится. И правда, идёт, бывало, она домой из стада к дому на взгорок и дышит тяжело. Как-то рано утром привёл отец двух мужиков, завязал за рога верёвку и вывел Зорьку из хлева. Я догадалась, что они собираются сделать, забила на печь от

страха. В избу пришла бабушка, тяжело села на лавку и заголосила впричёт: «Да родимушкаты наша горемычная, прости нас Христареди...» За ней заревели и мы, дети.

– А ну-ка, умолкните! У нас что, покойник в доме? – прикрикнул на всех вошедший отец. А бабушка, горько вздыхая, рассказала нам, как вели корову к плетню, а из глаз у неё текли слёзы.

Мясо бабушка есть так и не смогла, варила себе «голый» суп. Я с тех пор тоже молоко не ем. Потом у нас ещё коровы были, но я не помню ни масти, ни кличек их, а вот Зорька, белая, в светлых красных пятнах, с короткими, чуть загнутыми внутрь рогами, до сих пор в памяти.

Долюшка женская

Долюшка женская.

О нелёгкой доле русской женщины писали в своих произведениях и писатели, и поэты. А мне хочется рассказать о судьбе своей бабушки (по отцу) А. Т. Гламаздиной (в девичестве Аксёнова)

Родилась Авдотья Тимофеевна в 1879 году в селе Веть. Молчаливая, застенчивая, на игрища ходить не любила, всё работала: летом в поле, зимой дома – пряла, ткала. На учёбу в школе у неё так и не нашлось времени. Вот как о себе рассказывала сама бабушка:

– Как-то прихожу с речки, где бельё полоскала, вся одежда обледенела, лапти по земи (земляному полу) грюкают, руки как грабли. Вхожу в хату, а там чужие люди сидят. Мать шепнула, что сваты из Гламаздино приехали. Меня на печку отправили, отогрели, приодели, жениху повели показывать. Он на вид ничего: высокий, с усами, глаза чёрные. Я только разок осмелилась на него глаза поднять, а то всё в зем глядела да краснела. Старший брат Алексаха мне шепчет: «Соглашайся,

село богатое, жених смирный, я его знаю, и двор Барзенковых (так по-уличному называли) крепкий. А какая там церква, ты такой отродясь не видала».

А что я за свои 28 лет видела, кроме Вети и Самофаловки? Не знаю, чем я приглянулась моему Сергею. Венчали нас и правда в красивой и богатой церкви. Я всё глазами бегала по стенам, убору, не помню, как всё и закончилось. А потом я ни одной службы не пропускала, всенощную выстаивала.

Мужа Бог бабушке послал хорошего. Свекровь прямо клад была. А уж от свёкра она натерпелась. Он и минуты посидеть не давал. Все сундуки, кладовки, лари на ключ запирали и связку носил на поясе. С супругом своим Авдотья Тимофеевна прожила недолго – всего 7 лет. Родила ему троих детей, а потом забрали его на империалистическую (Первая мировая война). Успел дед с фронта прислать только одно письмо и карточку. Потом сгинул.

Вся жизнь бабушки прошла в работе да воспитании детей. Душой, по её признанию, она оттаивала лишь в храме.

Варечка.

В Репневом краю жила семья Харитоновых, прозываемая по-уличному Писаревыми. В 1938 году глава Иван Филиппович овдовел. На иждивении остались четверо малолетних детей и две старухи: мать и бабушка. Через год по совету родственников он женился на Варе Антюховой из Подлесной Поляны. Новая жена никакими талантами особыми не отличалась, и во внешности не было ничего у неёпримечательного: маленькая, худенькая, похожа на подростка. Нет, всё же была одна особенность – глаза. Огромные, светло-голубые, являющиеся истинным зеркалом души.

Варвар у нас в селе было несколько. Называли их по-разному: Варька, Варварка, Варюшка, даже Варца была, а эту все звали Варечка. Почему? Может, за малый рост, а может за особые душевные качества.

В дом Харитоновых Варечка пришла с намерением стать матерью осиротевшим детям. Не успела как следует привыкнуть к своему новому положению, как мужа забрали на финскую войну. Иван чудом уцелел, вернулся домой, а в 41-ом грянула Великая Отечественная и его забрали на фронт в числе первых. Очень плакал хозяин, уходя на войну, видно чувствовал, что домой не вернётся. Жили они всего ничего, да вот поди ж ты, родилось у них два сына Вася и Витя.

Вскоре Харитоновы получили похоронку. И осталась Варечка во главе огромного семейства. Когда эвакуировались, добро закопали в ямы, вернулись – всё разграблено, к счастью, хата уцелела. Как она жила, как поднимала детей, разве можно всё это передать словами? Бывало, разделит между детьми последние крохи (младшего грудью до четырёх лет кормила), а сама голодная ложилась спать. Мелькала мысль забрать своих детей и уйти к родителям, но те отговорили, пообещали помогать...

В 47-ом, весной, вскопали лопатой огород, посадили картошку. Сторожили по ночам, чтоб не выкопали. Люди удивлялись, как Варечка одна с детьми управлялась, вырастила их хорошими, добрыми.

Март, весна на дворе, а корма у коровы нет совсем, соломы охалка осталась. Пошла Варечка к Фёкле (звеньевой) пожаловалась. Та бабка бедовая была, сказала, что за Макариком омёт соломы, сходить только надо.

– Так что ж, красть придётся, а вдруг объездчик поймает, что тогда, тюрьма? – сомневалась Варечка. – Да и чего ты пойдёшь, Фёклушка, у вас-то коровы нету.

– Ты меня сколь выручала? Поймают, вали всё на меня, говорит подруга. – Я тюрьмы не боюсь, хуже, чем тут, не будет. Нынче в полночь приходи.

Глубокой ночью пошли за соломой. Под снегом по ложбинкам уже вода появилась, лапти быстро промокли. Навязали вязанки не подъёмные, согнулись в три погибели, брели, еле ноги передвигая.

– Фекла, глянь, кажись, объездчик навстречу валит. Чувствовало моё сердце: теперь тюрьма, – воскликнула Варечка.

Бросили вязанки, постояли. Фёкла бойкая баба, но тоже струхнула.

– Тьфу ты, напугала до смерти. Это ж волк, – присмотревшись сказала Фёкла. – Слава Богу не объездчик.

Судьба Варечки – это судьба многих женщин того времени. Они не жаловались, работали за троих, берегли детей, выручали друг друга. В те тяжёлые времена не теряли и чувства юмора, который тоже помогал выжить. В этой связи хочется мне рассказать один случай.

Октябрьские праздники. Всё звено собралось гулять в просторной хате тёти Ксении. Нехитрая трапеза, шутки, застольные песни. Откуда-то взялась гармошка, образовался тесный круг, начались пляски с припевками, частушками. Чтоб Варечка плясала в кругу при большом народе – этого никто не видел, и вот, когда уже многие устали, она вышла на серёдку. Притоптывая новыми лаптями, женщина неловко обошла круг. Все примолкли, удивлённо глядели. А она вдруг пропела низким, грубоватым голосом:

Пойду плясать,
Лохмотьями трясну,
Пускай власти поглядят,
Куда лохмотья полетят.

Это было так неожиданно, что все засмеялись с опозданием, а она тем временем продолжала:

Я работала, потела,
Без нужды прожить хотела,
Но то налог, то недород,
Нужда в хату так и прёт.

Все захохотали, стали прихлопывать в ладоши. На гулянье был председатель сельсовета. Мужик он, вообще, хороший, но всё же Варечка пела по тем временам слишком крамольные частушки. А она, будто вдруг поняла свой промах, выдала припевки на другие темы.

В тот праздничный вечер Варечка показала себя с новой, никому неизвестной стороны. Её частушки мы услышали впервые, поэтому все тогда сошлись во мнении, что она сама сочинила.

Варвара Федоровна, Варечка – маленькая женщина, с мужественным сердцем. Сколько таких в наших сёлах – сотни, тысячи. Скромные, незаметные брали на свои плечи все тяготы. Спасибо им и низкий поклон за материнский подвиг, за то, что в трудную годину стали крепким тылом защитникам Родины, были истинными хранительницами домашнего очага!

Подруги.

Дома Маруси и Веры стояли напротив, один повыше, другой пониже. Все дивились дружбе этих двух женщин. Казалось, что между ними нет ничего общего. Вера была постарше, замужем, растила четверых сорванцов, а Маруся так и не смогла устроить свою личную жизнь. До войны не вышла замуж, а после победы другие невесты успели подрасти. Маруся, бойкая, весёлая, на Репневом краю лучшая певунья, смеялась так заразительно, что, глядя на неё все улыбались... Вера спокойная, замкнутая, порой вспыльчивая, о таких как она в народе говорят «неулыба».

Вместе работали в колхозе. Там, где нужны были ловкость и сноровка, выручала Маруся, а где сила и терпение – Вера.

В войну эвакуировались и возвратились домой как одна семья, чем могли помогали друг другу. И всё же дружба их казалась странной. Бывало слышишь:

– Вер, твой Василь опять у меня окно из рогатки разбил, её – Богу, когда-нибудь голову ему отверну.

– Ага, себе нарожай, тогда и отворачивай. Малому в армии служить, нехай практикуется.

– Так может это ты и научила? Вот заявлю в сельсовет...

– Давай, заявляй, я давно говорю, что у тебя сутяжная натура.

– А ты бандитов нарожала.

Это в полдень, а вечером, глядишь, сидят подружки на колоде у дома Веры и вместе латают штаны «бандитам».

Как-то вечером Маруся забежала к Вере. В хате темно. Напротив окна силуэт подружки, слышно как жуёт что-то.

Лампу бы зажгла, что сидишь в потёмках, – посоветовала гостья.

– Да вот, вечеряю. Небось, мимо рта не пронесу.

Маруся присела напротив. Поговорили.

– Вер, а что от тебя керосином несёт?

– Выдумаешь тоже. Постой, а ну, погляди, на подоконнике бутылка с маслом стояла, я из неё на хлеб намазала, не керосин ли то?

Маруся понюхала и расхохоталась.

– Да, керосин. Брось – отравишься.

Вера невозмутимо продолжала жевать. Дело в том, что от рождения она была начисто лишена обоняния.

– Доем, что ж теперь, хлебу пропадать?

А Марусю всё больше разбирал смех. Хохотала до слёз. Наконец Вера рассердилась:

– Ты что, смеяться надо мной пришла, что я тебе, дурочка? Уходи, и чтоб твоей ноги у меня не было...

Маруся ушла, но утром на всю улицу слышалось:

– Марусь, в лавку папашникимятные привезли, пойдёшь?

– Иду, иду!

И вот уже идут в магазин подружки и о чём-то задушевно беседуют. В полдень бежит на взгорок Маруся, что-то в фартуке несёт:

– Вер, на съешь, пока горяченький, удались нынче батоны (картофельный хлеб)

Как-то зимой женщины вытаскивали вымоченную пеньку из копани. Маруся оступилась и ухнула в ледяную воду. Вера первой сняла с себя одежду, чтоб быстро переодеть подругу в сухое, но не помогло. Маруся простудилась и слегла. Трое суток, забросив семью и хозяйство, Вера не отходила от постели больной, пока дело не пошло на поправку.

Всякий раз, заслышав перепалку подруг, соседи улыбались, зная, что через час они забудут о ссоре. Вот такая у них была дружба.

Татарская баня.

Жили по соседству с нами двое братьев Юдиных: Яков и Павел. Поехали за Якова сватать невесту в Алёксино, там и Павел себе жену наглядел, подругу невесты – Марфу. Две свадьбы сыграли в один день. Павел остался на корню, а Яков построил себе хату напротив.

Павел с Марфой жили дружно, двоих сыновей растили. Многие завидовали Юдину, уж очень ему с женой повезло. Не из красивых, но приятная, стройная, высокая, работающая. А какой чистюлей была! Бабы, бывало, меж собой судачили:

– И чем это Марфа зем (земляной пол) мажет, жёлтый, как яичко.

Знала Марфушка (так её звали близкие, а вообще большинство уважительно называли Антоньевной) секреты приготовления лекарств из трав. Частенько бегали к ней за лекарством, особенно, когда болели дети.

Так бы и жили не тужили Павел с Марфой, да решил супруг поехать с мужиками в Крым на заработки. Отработал сезон, вернулся и стал что-то строить в огороде. Отродясь такой «чудесии» у нас в селе не было, а тут баня, да ещё татарская, похожая на саклю.

Один только раз показал Павел супруге как баней пользоваться, да сказал, что от хвороб разных в ней хорошо лечиться.

Уехал он на следующий год в Крым и больше не вернулся. Сказывали мужики, что Павел женился там. Односельчане дивились: «Разве таких жен, как Марфа, бросают?»

Лет пять хозяйка не пользовалась баней по назначению, складывала там всякий хлам, пока не заболел младший сын Коля. Вспомнила Марфа о бане и попробовала лечить парня баней и травами. Подняла на ноги. С тех пор в тяжёлых случаях обращались односельчане за помощью к Антоньевне.

Грянула Великая Отечественная война. Старший сын ушёл на фронт, женщина осталась с младшим. В 43-ем партизаны из Подов

через Курёнку и Березовое шли на Брянские леса. Один из их товарищей был очень болен, дальше везти его было нельзя. Заехали в Гламазино через Зерину пустошь и в первой же хате, у Нюни Зериной, оставили тяжёлобольного. Был он из окруженцев и звали его Фёдором. Женщина три дня пыталась сама лечить красноармейца, но ему становилось всё хуже. Болела грудь, кашель не давал ни минуты передохнуть: бил день и ночь.

Пошла Нюня к Марфе и с порога:

– Как хочешь, Антоньевна, помогай, а то умрёт мужик, а ведь совсем молодой ещё.

Приготовила Марфа баню, пришла к Зериным и видит, что больной совсем слаб. Недолго думая, скомандовала:

– Давай салазки!

Закутали женщины Фёдора в дерюгу, положили в санки и огородами – прямо к татарской бане. Раздела Марфа партизана, уложила в длинное липовое корыто, сняла одежду и с себя. Обложила чародейка больное тело партизана пучками трав и стала поливать из ковша горячей водой, а потом хлестать то крапивным, то еловым веником. Федя умолял, просил остановиться, но женщина будто и не слушала, только поворачивала его с боку на бок и продолжала лечение. Нюня, стоявшая под дверью бани, слышала стоны. Как только они стихли, она решила, что Фёдор не выдержал, и умер.

Наконец открылась дверь:

– Готов, подавай сюда твой транспорт.

Сердце у Нюни ёкнуло: «И в правду – преставился» Зашла в баню, а её подопечный лежит в корыте, красный, как вареный рак и спит, и кашля как не бывало.

Перевезли больного к Марфе в хату, на печку положили, попоили настоем из трав, и уснул Фёдор крепким сном. Проснулся через сутки,

ещё отвара выпил и опять уснул... На следующее утро открыл глаза и удивился: будто второй раз на свет родился.

Конечно, Марфа рисковала, взяв Фёдора к себе, в любой момент могли нагрянуть полицаи и тогда расстрела ей бы не миновать. Ещё три дня лечила она партизана, откармливала (хоть и у самой лишнего куска не было). Понимал и Фёдор, что дальше оставаться в селе опасно. «Обмундированный» в полушубок и валенки бывшего мужа Марфы он ушёл в ночь, в неизвестность, догонять своих.

Историю эту знали немногие, такой поступок считался тогда делом обычным.

Кончилась война. В июле 45-го по сельской улице шёл бравый офицер. Гимнастёрка с иголки, сапоги хромовые, грудь в орденах и медалях – герой! Нашёл хату Марфы, подошёл к крылечку, а навстречу хозяйка:

– Федя, сынок, живой!

– Узнала, мать, не забыла, и я помню, всю войну помнил.

Переночевал, а прощаясь, подарил Марфе шёлковую ночную сорочку.

– Куда мне такую лепоту? Я уже стара так одеваться.

– Носи, не старуха ещё. Красивая ты. Душа у тебя голубиная, а поступь царская...

Хранительницы очага.

В посёлке Березовом после войны насчитывалось 37 дворов и 160 жителей, а теперь дворов в нём осталось 5, в них проживает всего-навсего 10 человек, четверо из них – прекрасные женщины: Р.И. Лямцева, В.Р. Давыдкина, Р.С. Кожевникова и А.В. Борошенко. Пожалуй, посёлок этот давно бы исчез из карты района, если бы ни эти

женщины. Их общий трудовой стаж равен 150 годам, а за спиной у них – война, эвакуация, голод, нищета...

Загляните к этим простым русским женщинам! Они поделятся душевным теплом, угостят, расскажут о своём житье-бытье, о родном посёлке. А рассказать им, поверьте, есть о чём.

Самая старшая из женского квартета – Роза Илларионовна – уже разменяла девятый десяток. Замуж она вышла 60 лет назад. Помнит, что ткань на платье свадебное купил ей жених, а туфли одолжила соседка. Алла Васильевна, другая героиня моего повествования, из многодетной семьи. У её матери было 8 детей, а глава семьи погиб на фронте. Без слёз нельзя слушать её рассказ о горьком детстве. И овдовела она рано. Так уж сложилось. Немало страданий выпало и на долю Валентины Романовны. Раиса Савельевна писала свою трудовую биографию на свиноферме. Нелёгкая ей досталась вахта – без выходных и праздников.

Этих славных женщин зовут к себе дети, но они не решаются оставить дом, где всё до последнего гвоздя нажито честным трудом, сделано мозолистыми руками. Мои героини – самые настоящие хранительницы домашнего очага. Двери их домов всегда распахнуты для детей и внуков. Жизнь, конечно, не мёд, но рядом с женщинами надёжные мужчины: Владимир Орестович, Михаил Иванович и Анатолий Иванович. Так что есть с кем совет держать, горе-беду разделить.

Дома у этих хозяек добротные, а в каждом из них убранство, как и полвека назад: на стенах – старинные фотографии, по которым можно составлять рассказы об их дружных семьях. Раиса Савельевна может смело похвастать пышными перинами и подушками с вышитыми наволочками, ажурными кружевами, от которых в комнатах как-то по-особенному тепло и уютно.

Все женщины любезно поделятся с гостями рецептами приготовления в русской печи наваристого борща, аппетитной каши. Валентина Романовна откроет антикварный сундук, который хранит

память о её матери: в нём хранятся рулон холста, вышитые рушники. Есть у хозяйки и прялка, и пральник (им бельё на речке выколачивали). Роза Илларионовна непременно покажет солдатскую фляжку, найденную в окопе 65 лет назад.

Почему же хозяева так бережно хранят эти трогательные реликвии? Да потому, что они – часть жизни, крупницы истории родного посёлка. Героини моего рассказа, глядя на них, не унывают. Им не верится, что столько лет уже пролетело. Душой эти хранительницы очага не очерствели. В глазах всё еще сверкают искорки девичьего задора. Они и пошутить любят. Это потому, наверное, что не покинули они родного гнезда, которое даёт силы жить дальше.

Хранительницы очага

Р.И. Лямцева, В.Р. Давыдкина, Р.С. Кожевникова и А.В. Борошенко./

Гордая.

Живёт в Гламаздино замечательная женщина – Шкурина Зинаида Степановна. Сама она не здешняя, родилась и выросла в селе Юрцево Ивановской области. Семья была большая, мать, отец и 10 детей. Зина десятая по счёту. По возрасту отец на фронт не попал, работал председателем колхоза, мать – дояркой. Зина в школе училась только пять лет, в семилетку надо было ходить за пять километров. Тяжело приходилось, обуви не напасёшься, к тому ж война, поэтому работать с детских лет пошла. Сначала помогала матери на ферме, а в 16 лет взяла себе группу коров. Вставали до свету, трудились до полной ночи: ведь всё делали вручную. Девушка росла работящей, доброй, весёлой. Любила танцевать, петь (голос был сильный, красивый). Сестра и братья, подрастая, один за другим уходили в город на заводы и фабрики, а она оставалась дома, в колхозе. Ей и двадцати ещё не минуло, а на груди уже красовалась медаль за труд. В 46-ом умер отец, опорой и помощницей матери стала Зина.

Рядом, в небольшом городке Киржаче, располагался аэродром, где ремонтировали военные самолёты. Сюда и попал на службу Александр Иванович Шкурин. Забрали на войну его в 1943 году, но к строевой службе он был не пригоден (инвалид детства). Шурику выпало ухаживать за аэродромными лошадками. После войны служил срочную и как все молодые солдаты ходили на улицу в Юрцево, славившееся на всю округу своими невестами. Одним из таких вечеров они и познакомились с Зиной. Когда молодые решили пожениться, мать невесты заявила:

– Уйдёшь с ним, больше домой не возвращайся! Здесь от женихов отбоя нет, а она за чужака.

Но угроза не подействовала. Молодые зарегистрировали брак и в марте 48-го уехали на родину супруга.

Молодая волновалась, как встретят её Сашины родные. И, как оказалось, не напрасно... Встречал их только свёкор, улыбнулся, пригласил в хату. Свекровь же сразу показала свой характер, даже за

порог не вышла. Потом старшая невестка Мария рассказывала: как узнала мать о женитьбе сына, ушла в огород и в знак протеста три дня в подсолнухах пролежала. Но деваться некуда, собрали на стол, пообедали, но настроение у всех было как на похоронах. Семья Шкуриных тоже большая: отец, мать, старший брат с женой, сестра с дочерью, да ещё племянница из города голод переживала в селе. Но не большая семья пугала Зину— угнетала неприязнь свекрови.

З.С. Шкурина вспоминает, как на третий день свекровь разбудила её до свету, дала подойник, послала корову доить, не обмолвившись, что бурёнка бодливая и старшую невестку уже не раз на рога поднимала. Но, как ни странно, корова сразу полюбила молодайку и спокойно отдала всё молоко.

Сколько унижений снесла Зина, одному Богу известно. На родине, в Ивановской области, хаты не мажут и не белят, а в Гламаздино все как одна мазанки. Велели и Зинаиде за дом браться.

— Смешала я глину с водой и помазала, — вспоминает З.С. Шкурина.— Через пару дней всё растрескалось, поднялось коркой. Люди мимо проходят, спрашивают: «Кто ж это так помазал хату?» А свекровь с довольным видом отвечает: «Невестушка наша. Вот такая она мастерица». Потом мне бабушка Настя, соседка, подсказала, как правильно это делается.

Зимой бельё полоскали в проруби и выколачивали на льду пральником. Поехали и мы с мужем, нагрузив на салазки бельё. Саша стал показывать, как надо делать. Бабы увидели, заинтересовались, что за мужик бельё колотит. А свекровь опять тут как тут: «Это Шурик наш, жену-неумёху привёз, вот сам и колотит». Муж молодец, никогда меня не обижал, не оскорблял, понимал, как мне трудно.

Потом у Шкуриных родились дети: Валя, Серёжа, Володя. На работу в колхоз ходила ежедневно. Всё делала: пахала, жала, косила, полола. Дом, хозяйство тоже на ней было.

По молодости хотелось и нарядиться, пойти на праздник, потанцевать, попеть.

Как-то собрались они с мужем на свадьбу, а свекровь сразу же выдала: «Иди, только чертей своих с собой забирай». Это она так о детях, своих внуках, отозвалась.

Шкурины начали новый дом строить, да до зимы не успели. Прямо на улице стояла старая печь, дед сделал над ней навес и устроился там, свекровь к родственнице на тёплую печь перебралась, а Саша с детьми в сарае устроились. Осень выдалась холодная, дождь со снегом, пронизывающий ветер, сквозняки. Всё это привело к тому, что ребятишки разболелись, но бабушка даже и не подумала взять внуков с собой, пока хозяйка печи сама не сказала, чтоб родственница потеснилась.

Но несмотря на все трудности, Зина писала домой, что живёт хорошо. Так прожила 14 лет. Потом заболела свекровь. Четыре месяца за ней ухаживала, затем и похоронила. Свёкор прожил ещё 21 год. Умер в 96 лет, с ним тоже намучилась.

Трудно приходилось. Где только не работала Зинаида Степановна. Много лет ухаживала за телятами, откармливала бычков, подменяла мужа на конюшне. Всё у неё в порядке было. В селе она завоевала уважение. Несмотря на «старания свекрови», её приняли сразу, за работу хвалили, часто награждали. Не отставала она и в веселье. Частушек знала сотни. Исполняла их обоймами, по 2 – 3 залпом, на разные темы. Бывало выйдет в круг, все замолкают, ждут, что выдаст на сей раз.

– Прямо как Мордасова, – умилялись сельчане.

Была в её репертуаре серия частушек, которые начинались так:

На горе покос, под горой покос,

Меня последний раз провожал матрос.

Провожал матрос и смотрел в глаза,

Ты очень гордая, тебя любить нельзя...

С тех пор «Гордая» стало её вторым именем. В слово вложилась вся суть этой удивительной женщины: чувство человеческого достоинства, терпение, доброта, душевная красота. Так часто супругу и муж называл: «Моя Гордая».

Когда время к пенсии подошло, Шкурина продолжала работать в колхозе.

В 1993 году обрушилась на Зинаиду Степановну страшная беда. Заболел и вскоре умер муж и старший сын. Казалось, солнце померкло, жить дальше не было сил. Но время лечит, постепенно душевная боль стала утихать.

Живёт Степановна сейчас одна. Но дети, внуки, правнуки заботятся о ней, часто навещают. Огород, дрова, вся трудная работа за ними. Зовут к себе, но она пока «в состоянии обслуживать себя сама». Держит небольшое хозяйство. За полвека каторжного труда получает немного больше минимальной пенсии, обходится. Даже детям и внукам помогает гостинцами для «своего удовольствия».

Худенькая, хрупкая на вид женщина. Жизнь гнула её, но не сломала. Она по-прежнему добра и приветлива. Её сердце открыто для всех. И несмотря на тяжёлую долю, на судьбу не обижается, говорит, что бывает у людей и хуже. Да, Зинаида Степановна Шкурина – удивительная женщина, одним словом – Гордая.

Заметки натуралиста

Прощальные мелодии.

Август, последний месяц лета. Совершается неуловимая смена сезонов. Ещё много зелени, много цветов, а некоторым деревьям уже не терпится покрасоваться в цветном наряде раньше других. То осинка на краю леса вспыхнет алым костром, опережая соседок и сестёр, то всеми листьями покраснеет молоденький кленок, запестреет жёлтыми прядками плакучая берёза. Красок много, а звуков мало. В колючем терновнике негромко бормочет сорока и поёт под облаком лесной жаворонок, то совсем близко, то где-то в отдалении звучит его мягкий напев: «лю – ли, лю – ли, лю – ли...»

Давно смолкли весенние птицы, в разгар лета было не до песен. Осенние мелодии приятны на слух и соответствуют обстановке, в них

нет майского задора и лихости. Даже в пении скворца, к концу лета не услышишь разбойничьего свиста, которым он оповещал о приходе тепла.

Всё свежее зори, тяжелее росы, не высыхающие до полудня.

Летят, покидая родину, полевые жаворонки, а где-то на краю села, стоя на бугорке или столбике у дороги, поёт, провожая уходящее лето, наш домосед, хохлатый жаворонок. Песенка его тихая и невнятная, но слушал бы её и слушал...

Варакушка поёт свою прощальную песенку на месте, где было её гнездо, не раскрывая клюва, лишь трепетание пера на голубом с сединой горлышке и вздрагивание чуть вздёрнутого хвостика выдают происхождение звуков. Она одна из птиц-пересмешниц, поэтому в свою тихую песенку вставляет звуки и голоса сегодняшнего дня: неторопливый речитатив пеночки, болтовню щегла, перезвон молодых синичек.

Не услышишь нынче «оркестровых исполнителей». Ещё месяц и стихнут птичьи голоса. Спешите в лес, поле, чтобы насладиться прощальным пением, ведь до весны очень далеко.

Почему у дуба ветки корявые.

Вы помните, как выглядит дуб зимой? Толстый, мощный ствол, тёмная кора, покрытая глубокими, извилистыми трещинами. Чем старше дерево, тем более глубокими становятся эти трещины-морщины. И ветви дуба не прямые, не ровные, их линии изломанные, угловатые, резкие, как будто они никогда не тянулись вверх, к свету и теплу.

Эти деревья напоминают людей, проживших трудную и тяжёлую жизнь, вынесших многие невзгоды и преодолевших их.

Дубы производят впечатление силы и мощи. Это действительно высокие, до 55 метров деревья с толстым стволом. В средней полосе России нет деревьев, которые превосходили бы их размерами. Дубы очень любят свет, и их побеги меняют направление роста несколько раз

в сезон, в зависимости от освещения. Поэтому и ветви у старых дубов имеют такие причудливые изгибы.

Листья и цветки на дубах появляются одновременно, в мае. Но плоды дуба – жёлуди – начинают расти и формироваться только в начале августа. Жёлуди созревают со второй половины сентября по ноябрь. Плюска («шапочка» на жёлуде), которая раньше защищала основание растущего жёлудя, больше не удерживает на дереве созревший плод, и жёлудь падает на землю. В его семядолях много питательных веществ, и он быстро прорастает. Из верхушечки жёлудя появляется корешок, который потом поворачивается вниз, в глубину.

Жёлуди – любимая еда многих лесных жителей: кабанов, оленей, медведей. На большие расстояния разносят жёлуди голуби, фазаны, сойки. Особенно любят их сойки и полевые мыши. Свои запасы они закапывают в землю, и те часто прорастают.

В российских лесах растёт дуб обыкновенный, или черешчатый. Он всегда выше всех деревьев, так как тянется к свету, не выносит тени. Дубовый лес называют дубравой. Здесь очень легко дышится, ведь дубы выделяют много кислорода. В дубраве вы чаще всего можете встретить белый гриб.

Старожилы.

Многие породы деревьев живут гораздо дольше, чем люди, но тем не менее, зелёные старожилы встречаются нечасто. Причина в том, что деревья тоже болеют, умирают, а иногда погибают в неравной схватке с человеком... И тем ценнее те долгожители, которые выжили. В Москве, в Ботаническом саду, есть дерево, посаженное самим Петром I, а в Украине, где-то под Запорожьем, есть дуб, под которым, согласно легенде, отдыхал Богдан Хмельницкий. Вот так встретишь такое чудодерево, и словно какая-то таинственная сила переносит тебя в далёкую старину.

Есть свой старожил и у нас в Гламаздино. В школьном парке растёт удивительный дуб. Возраста его никто не знает. Один из моих односельчан – Юдин П.Д. ещё лет 50 назад говорил, что дубу уже полтора века. Выходит, теперь ему все 200 будет. Высота этого красавца 25 метров, в обхвате он более 3,5 метра, а окружность кроны

составляет около 70 метров. Похоже, наш долгожитель помнит и погром барской усадьбы 1905 года, и первую мировую, и революцию с гражданской войной. Конечно же, он стал свидетелем событий Великой Отечественной войны. Об этой поре он даже сохранил своеобразный трофей: с северо-западной стороны ствола дерева торчит осколок снаряда. В те далёкие сороковые неподалёку от дуба проходила линия окопов, шли жестокие бои, здесь же, рядышком, до 65-ого года была братская могила. Как много мог бы рассказать наш дуб о героях, что полегли на поле брани, а он шумит, шумит могучими ветвями.

Таким вот реликвиям нужно особое внимание, ведь они настоящие музейные экспонаты. Их надо бы огородить, поставить таблички, чтобы все знали, насколько они бесценны.

Бобровая вотчина.

В двухстах метрах от нашего огорода с юга на север тянется Лебединская балка. По дню балки течёт маленький ручеёк с чистой ключевой водой. Берёт он начало около урочища Севского. Рождают они многочисленные ключи и родники у подножия холма Кубатка. На левом, более высоком берегу ручья до недавних пор стоял посёлок Лебедик. На правом берегу вдоль ручья тянулся неширокой полосой луг. У самого ручья росли берёзы, ивы, краснотал, которые кое-где уступали место камышам, рогозе, осоке, стрелолисту. Люди посёлок покинули, а неумеренный выпас скота сильно изменил этот живописный уголок. Низина заболотилась, появились нежелательные растения – липучка, бешеный огурец. Но всё равно с высокого моста в сторону Кубатки открывается изумительно красивый пейзаж.

Вот это место и облюбовали для себя бобры. Поскольку живу я рядом, то часто приходится наблюдать за бурной деятельностью новосёлов.

Бобры – животные трудолюбивые, мастеровые. Они легко валят толстые деревья. Ракиту в два обхвата спилили за две ночи с ловкостью заправских лесорубов. Умеют они сооружать плотины, рыть каналы, сплавлять по ним лес, строить довольно сложные жилища. Наши бобры

ежегодно переносят плотины вниз по течению. В прошлое лето построили запруду прямо у моста, сделали аккуратный сток. В результате ручей образовал водоём шириной метров 10 – 15. Вода здесь чистая, свежая, сверху покрыта ряской, разгонишь её имотришь на себя в водную гладь, как в зеркало.

Работа бобров привела к затоплению единственного на всё село источника чистой воды. Люди пытались разрушить плотину, воду спустить, но не тут-то было. За одну ночь бобры восстановили сооружение, словно хорошая плотничья артель поработала.

На зиму бобры валят деревья, разделявают их и таскают к норе. Всю зиму они гложут этот не очень-то питательный корм. На левом крутом берегу построены норы с выходом под воду, так что ходить там опасно, можно провалиться. У выходов построены хатки из деревьев, веток, коряг.

Бобры очень осторожны. Сколько раз я подходила, крадучись, чтобы увидеть этого интересного зверя. Но, увы. Если подойдёшь ближе, только всплеск услышишь. На илистом склоне плотины свежие мокрые следы, словно тяжёлый мешок кто-то волок... Это след от широкого хвоста – главного инструмента бобра-строителя.

Работают трудолюбивые животные всей семьёй, слаженно, их мастерство вызывает уважение. Смотришь на их труд и думаешь: «А ведь нам, людям, многому можно у них поучиться!»

Муравьиная дорожка.

У стены школьного сарая рос чистотел. Каждый день, проходя мимо, удивлялась: как же правильно назвали это растение! В детстве мы сводили чистотелом бородавки. Сорвёшь стебелёк, из которого вскоре появится капелька оранжевого сока, и выступившей жидкостью смазываешь бородавку. После войны многие болезни лечили чистотелом, лекарств других не было. Сок его ядовит, поэтому и боится селиться рядом с ним разная огородная нечисть. Бабушка, бывало, поколдует с этим растением и опрыскивает от тли свои «высадки».

Однажды я удивилась, заметив около ядовитого чистотела множество муравьёв. Они приложили от стены сарая до зарослей чистотела дорожку и бегали по ней взад-вперёд. Смотрю, бежит муравей и несёт на себе зёрнышко чистотела. Взяла его, рассмотрела. Зёрнышко как зёрнышко: гладкое, чистое, только с боку небольшой бугорок. Смотрю: у стены уже несколько таких семян лежит, только бугорков на них нет. Интересно, зачем муравьям эти зёрна и куда делись бугорки? Заглядываю в ботанический атлас и читаю: «У зрелых семян чистотела сбоку небольшой бугорок с особым маслицем, которое совсем неядовитое».

Оказывается, что его очень любят муравьи и другие насекомые. Вот и разыскивают семена, съедают масло, а потом бросают. Только зёрнышкам того и надо – попадают на землю и прорастают...

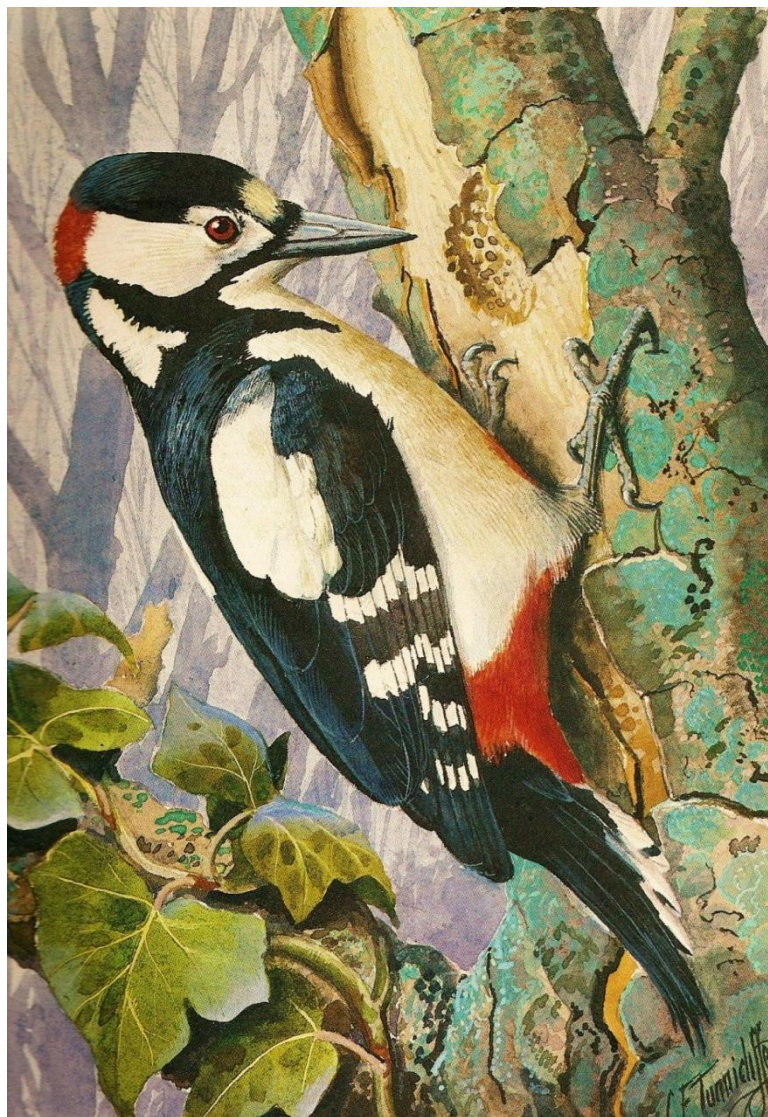
Вот так рядышком с сараем и образовались вскоре целые заросли этого удивительного растения, которое посеяли муравьи.

Гурман.

Зима. Ясное солнечное утро. Небольшой морозец. Погода хоть куда. Справившись со всеми делами, присела к столу позавтракать. Вдруг слышу стук. Кто-то чужой, видно, пришёл, не знает, что звонить надо, а не стучать. Открываю дверь – никого. Только присела за стол, опять стук, да такой громкий и настойчивый! Выглянула в окно, на крыльце никого не видно. Через минуту стук повторился. «Кто-то

балует, видно», – подумала я. Выглянула на крыльцо, заглянула за угол. Что за напасть? Никого нет и следов не видать. Обошла вокруг дома – опять никого. Призадумалась, не померещилось ли мне всё? Стою. Через несколько минут стук повторился. Огляделась по сторонам, и вижу: на соседнем заборе дятел. Соседи забили овец, шкуры наизнанку вывернули и развесили на колышках. А на них кусочки оставшегося жира застыли. Вот умный дятел и нашёл лакомство... Присмотрелась и узнала в птице «нашего» дятла. Ежегодно он прилетал в наш сад зимой и лечил старую яблоню. Мы так к нему привыкли, что уже не обращали на пернатого особого внимания. Стук по старому дереву был всегда глухой, а тут как будто пионеров на линейку под барабанную дробь строят. Целую зиму дятел питался у нас. Хватало корма и ему, и синичкам.

Справедливости ради надо сказать, что дятел весьма интересная птица. В России их обитает 6 видов. В наших лесах живёт большой и малый пёстрый дятел. Эти птицы являются лесными жителями, селятся обычно в дуплах, но могут жить и в норах. Дятлы имеют большой и прочный череп, сильно развитые мышцы шеи, длинный долотообразный клюв и червеобразный язык. Острые когти, сильно изогнутые пальцы коротких ног, позволяют птицебегать по стволам деревьев вверх и вниз. Раздалбывая мощным клювом древесину, дятел извлекает добычу из щелей и трещин своим длинным клейким языком. Дятлы питаются семенами, личинками насекомых. В холодные зимы не брезгают никаким кормом и часто перекочёвывают ближе к человеку. Яркое, красивое оперение, доверчивость сделали дятла любимцем людей, выделив его из многочисленного отряда пернатых. Ну а о пользе, которую он приносит, и говорить не приходится. В глубоких дуплах самки откладывают 5 – 7 совершенно белых яиц. Птенцы вылупляются абсолютно голые, а через три недели уже самостоятельно вылетают из гнезда. Прислушайтесь, когда будете в хвойном лесу. Тук-тук – слышится вдали. Тук-тук – это работает лесной доктор, уничтожая вредителей-короедов.

Доверие.

Первый раз кошка Нюська родила котят в соседнем сарае на сеновале. Хотели забрать их домой, но она так хорошо спрятала потомство, что не добраться. «Ничего, подрастут, сама малышей домой приведёт»,— решили мы. Но, увы, через неделю Нюська принесла лишь лапку котёнка. Похоже, бродячие коты беззащитных детёнышей съели. С неделю кошка тосковала, потом успокоилась.

Когда Нюська задумала рожать второй раз, то долго ходила по пятам, жалобно мяукала. Пока я искала подходящую коробку, стелила, пристраивала в деревянном сарайчике, Нюська исчезла. К вечеру стал накрапывать дождь. И вдруг смотрю, наш рыженький пёс Чубайс, жутко боявшийся дождя, сидит на крыше своей будки. Его бьёт мелкая дрожь, но он почему-то не лезет в конуру. Заглянула внутрь, а там

Нюська облизывает и кормит троих котят. Чубайс великодушно уступил квартиру кошке, а сам мок под дождём.

Котят перенесли в приготовленную коробку, а через несколько минут мудрая мамаша перетащила свою детвору опять в собачью конуру.

Вообще, стоит отметить, что Чубайс и Нюська— большие друзья. Если вдруг на наш двор заглянет чужой кот, пёс лает, пёс лает, захлёбываясь, готовый разорвать его на мелкие клочки. А вот Нюське позволено всё. Она может есть из его миски, он её не тронет, хотя даже курице не даёт близко подойти.

Часто можно видеть, как друзья сидят рядышком на пеньке и облизывают друг другу мордочки. Нюськазаведёт свою песенку, а Чубайс весь во внимании, голову склонит к подруге, правое ухо отвесит тряпочкой, глаз закроет: он слушает кошкину сказку.

Наверное, инстинкт сохранения потомства заставил наученную горьким опытом мурлыку искать защиты у собаки. Она доверилась старому другу, и правильно сделала.

Дуська.

Рядом с домом был пустырь, где с незапамятных времён лежала куча песка и бетонные плиты. Мальчишки выбрали это место для своих игр.

С утра восьмилетний Витя вертелся возле отца в гараже, «помогал» в ремонте машины, потом прибежалого друг Серёжа, и мальчишки помчались на пустырь. Оттуда были слышны крики детворы, а потом внезапно наступила тишина. В гараж вбежали Витя с Серёжкой.

– Папа, папа, пойдём скорее. Мы что-то покажем, – тащил мальчишка отца.

Ребята гурьбой стояли около бетонных плит, в щели между ними лежал маленький комочек шерсти. Сперва и не разберёшь, что это. Взяв длинную палку, мужчина вытащил на свет божий щенка. Рыжая шёрстка его была в пыли, с трудом просматривался чёрный кончик хвоста и белые носочки на передних лапках. Этому крохотному существу от роду было два – три дня. Щенок ещё подавал признаки жизни.

– Смотри, папа, он ещё живой. Давай его спасём! – взмолился сын.

– С этим вопросом лучше к матери, ты ж понимаешь, – ответил тот.

Мальчишки стремглав бросились к дому, где Витина мама стирала бельё. Наперебой объяснили, что к чему. Женщина, увидев щенка, приказала принести тёплой воды и мыло. Икупала кроху и, завернув в фартук, передала сыну. Мальчик положил свёрток за пазуху, и вместе с другом присел на брёвнах. Вдруг щенок стал копошиться и еле слышно скулить.

– Есть хочет, – поняли спасители и вновь побежали к маме. Она нашла маленький пузырёк из-под лекарств, налила в него молока и приспособила соску, сняв её с ещё Витиной пустышки. Дуська (так мальчишки нарекли собаку) стала жадно сосать. До вечера она выпила

несколько пузырьков молока. Даже ночью Витя вставал кормить свою подопечную.

Дуську поселили во дворе в ящике рядом с кроличьей клеткой. Она быстро росла и вскоре превратилась в красивую собачку. Большие, умные глаза, похожие на человеческие, всегда выражали любовь и преданность к членам семьи, но особенно она любила хозяйку и Витю, наверное, понимала, кому обязана жизнью.

На тесном дворике, где было много всякой живности, собака со всеми подружилась. Старый пёс Тузик, сидевший на привязи, благосклонно допускал Дуську к своей миске. За ней можно было наблюдать часами и поражаться её уму и сообразительности. Маленькие поросята, поев из корыта, тут же ложились в сторонке спать, а собака подойдёт, оближет их мордочки.

– Вот видите, неряхи этакие, и мухи вас не так донимают, когда вы чистенькие, – словно подучает она их.

Моросит дождь, квочка собрала под крыло цыплят, а они пищат, не помещаются. Дуська легла рядом с курицей и помогла согреть малышей.

Однажды открылась кроличья клетка, и крольчата разбежались по двору. Ловили их всем семейством. Одного не досчитались. Смотрим, а Дуська, с трудом прощেমившись под бочку с водой, вытащила крольчонка и принесла в зубах.

Чёрная хохлатая курица облюбовала нестись в будке у Тузика. А тот хитёр, пропустит Чернушку, даст ей снести яйцо, аккуратно его раскусит и выпьет. Красота! Хозяева застали Тузика за таким делом, задали взбучку. Дуська всё видела, испугалась и спряталась за бочку. На следующий день, как только хохлатка направилась к конуре, смышлёная собака дождалась, пока она снесётся и стала охранять яйцо. Тузик попытался проникнуть в свою «квартиру», но Дуська только рычала, не пускала его. Пришлось отступить.

Через год она принесла четверых щенят, которых очень быстро определили в хорошие руки.

Прожила Дуська всего три года. Как-то выскочила она со двора и, не имея опыта, попала под машину. Её гибель переживала вся семья, ведь она была её полноправным членом.

Ох, уж эта полосатая напасть.

Лет 30 – 40 назад колорадский жук был для нас диковинкой, сегодня же он стал бичом сельского хозяйства. Выращивание картофеля – процесс трудоёмкий, да к тому же нынче и экологически небезопасный. В борьбе с полосатым вредителем, чтобы как-то уберечь посевы, человек вынужден применять сильнейшие ядохимикаты. Откуда же к нам пришёл колорадский жук?

Науке он стал известен не так давно. В 1824 году американский учёный Томас Сэй описал новый вид листоеда пустынных предгорий запада США штата Колорадо, которого назвал «десятилинейным» из-за чёрных полос на оранжевых надкрыльях. Он мирно поедает растения

семейства паслёновых и никому не причинял вреда. Но стоило развести в этих районах картофель, как жук сразу переселился на новые плантации.

Европа с её мягким климатом и громадными просторами картофельных полей стала прекрасным объектом для нападения колорадского жука. Первых полосатых лазутчиков обнаружили в европейских портах уже в 70-ые годы XIX века в трюмах пароходов, приходивших из Америки. Строжайший карантин поначалу сдерживал нашествие, но затем грянула первая мировая война, и людям стало не до жуков. Вместе с американскими войсками во Францию прибыл и колорадский «гость». Затем он перебрался в Германию, Польшу, Австрию, подошёл к границам нашей страны. Карантинная служба работала отлично, и в течение ещё двух десятков лет мы были спасены от этой напасти. И всё же колорадский жук проник к нам и расселился по всей территории нашей страны.

Как только прогреется почва и появятся первые всходы картофеля, из земли выбираются зимовавшие в ней полосатые вредители. В поисках пищи жуки активно ползают и летают. Самки откладывают яйца, в среднем до 500 штук. Их плодовитость просто поражает.

Вылупившиеся личинки сразу же начинают грызть листья и быстро растут. Уже через две недели они достигают размера больше сантиметра, падают на землю и превращаются в куколки. Через несколько дней из них выбираются молодые жуки.

У заморского интервента в Европе нет природных врагов, что и способствовало его быстрому распространению. Ни птицы, ни насекомые не едят полосатого. Быстро супостат привыкает к ядам, приходится через два – три сезона покупать новые препараты. Учёные уже давно работают над выведением сортов картофеля, несъедобных для колорадского жука, но эти сорта до нас пока не дошли. Так что нам придётся ещё долго вести борьбу с полосатым противником.

Наташа

...А сказать вернее – дочь.

В нашей семье было семь душ. Теперь редко встречаются такие, где живут по три – четыре поколения. Устои традиционной русской семьи, увы, утрачены. Не живут молодые со старыми. Между свекровью и невесткой нередко возникают конфликты. До сих пор восхищаюсь мудростью своей бабушки Авдотьи Тимофеевны. Как-то услышав, как соседка хвалится своей невесткой, бабушка сказала:

– Хорошо тебе любить невестку за глаза. Приходит она в гости раз в два года. А ты поживи вместе десятилетия! Вот тогда посмотрим на твою любовь.

Бабушка прожила с моей мамой тридцать лет. Ссорились, конечно, я сама тому свидетель, но всё по мелочам. Через час, два уже разговаривали как ни в чём не бывало. Я со своей невесткой Наташей живу не 30 лет, а всего 16. В первые годы, как и все свекрови, приглядывалась к ней, кое-что примечала, но всё мелочи, тем более, что

без недостатков людей не бывает. Со временем пришла к выводу, что Наташа во многом лучше меня. Особенно познаётся и раскрывается человек, когда случается беда, а мы с Наташей не раз были в критических ситуациях

За годы, прожитые вместе, невестка стала для меня родной и близкой. Нет слов, чтобы выразить признательность этой удивительной женщине, а вернее сказать – дочери. Своё доброе, материнское отношение к Наташе я постаралась выразить в стихах.

Жена, невестка, мать.

Когда-то Бог мне дочь не подарил:
Есть сыновья, а что ещё-то надо!
А через много лет решил
Послать тебя мне, как награду.

Для всей родни ты ангел и хранитель,
И велика твоя забота о семье.
Ты бережёшь свой дом, свою обитель,
Нередко забывая о себе.

Тебя я знаю в разных лицах:
Ты и жена, которой не сыскать,
Невестка, с коей дочка не сравнится,
И замечательная мать.

Где ты училась мудрости житейской,
Терпению, умению прощать,
Душевности и ласке женской,
Готовности всем слабым помогать?

Когда беда случилась со мною,
И в дверь мою уже стучала смерть,
Ты сберегла меня своею добротою
И не дала мне умереть.

Ночами, днями боль меня терзала,

Душевные точила муки.
С врачами вместе ты меня спасала,
Твои такие ласковые руки.

Благодарю судьбу за взлёты, неудачи,
За счастье жить, трудиться и любить
За все мгновения, когда смеюсь и плачу,
За то, что довелось с тобою жить!

Будь счастливой, дочка!

Дорогая редакция! Моей невестке Наташе 18 июля исполнилось 30 лет. Я её очень люблю и хотела сделать для неё необычный подарок. Но застолье, купленная вещь – всё это уже было. Вот и решила я написать в «районку».

Кто-то, возможно, скажет, что газета не для личных чувств. Но, во-первых, нашей семье «районка» не чужая, а очень даже своя. Выписываем её лет 50! Почему бы не поделиться на её страницах о сокровенном? Во-вторых, может кто-то из женщин моего возраста разделит мои мысли по поводу взаимоотношений невестки и свекрови, а может быть и будет против.

А ведь и так ещё можно рассудить свекрови: «Я старше и мудрее. Пусть же мой опыт послужит во благо близким. У меня есть достоинства и недостатки, поэтому я должна быть снисходительна к своей невестке, не видеть у неё лишь одни промахи. Я, наконец, люблю сына, а невестка – его вторая половинка. Значит, я должна любить обоих!»

Хочу подарить своей невестке это простое стихотворение, написанное от чистого сердца.

Наташа.

Уже стояла стужа.
Ноябрьский ветер выл.
Мы ждали дочку с мужем,
Врач сына посулил.
Сын вырос, изменился...

Счастливым день пришёл –
Сыночек наш – женился,
Девчонку в дом привёл!
Зовут её Наташа.
И имя ей идёт.
В руках Наташи нашей
Всё ладится, поёт!
Я помню засияло
Солнышко в окне,

Когда сказала «мама»
Наташа, дочка, мне.
Так жду её с работы,
А на столе – обед.
С ней поделю заботы
И сберегу от бед.
Ей тридцать лишь годочков...
Прекрасный юбилей!
Будь ты счастливой, дочка!
Удачи, не болей!

Лирические мотивы

Осенний калейдоскоп.

Сентябрь.

Пока ещё всё зелено в лесу.
Кружатся листья медленно и плавно.
То словно замирают на весу,
То запорхают весело, забавно.

И красота мне видится во всём:
В застенчивой, как девочка, берёзке,
В сухой травинке, в запахе грибном
И даже в редком птичьем отголоске...

Октябрь.

Смеётся реже солнышко с небес.
Вновь хлопья облаков плывут над нами.
И пригорюнился уже прозрачный лес,
И по утрам бодрит морозец ранний.

Уставши от трудов своих, земля
Лежит нарядная, как будто золотая,
А прямо у дороги, не таясь,
В траве пасётся куропаток стая...

Ноябрь.

Вот первый снег, которого не ждали:
Ещё хотела осень позвенеть,
Ещё так нежно голубеют дали
И листья на земле лежат, как медь.

Но солнце вдруг отчаянно пригрело,
И снег исчез бесследно, словно дым.
Снежинки солнце нынче жадно съело.
Ноябрьский снег зовётся молодым.

Зимняя мозаика.

Декабрь.

Снег смахнёт с высокой ели птица,
Белка шишку кинет набегу...
Не могу я не остановиться
И не засмотреться не могу!
Там следов знакомая цепочка,

Тут морозом опаленный куст.
В самой малой веточке и почке
Бьётся ровно животворный пульс

Январь.

Искрится тихая дорога,
Теряясь в сонном далеке.
Над голубой верхушкой стога
Луна в январском ободке.
Молчат леса, не вскрикнет птица,
В снегу, у края борозды,
Крадется рыжая лисица,
Темнеют заячьи следы.

Февраль.

Вот и февраль – зимы макушка,
Но не страшат морозы нас
Всё тает белая подушка,
А день прибавился на час.
И нам сегодня лето снится,
В день солнечный звенит капель.
И песнь весне поёт синица,
Хоть и была вчера метель.

Вторая мама.

Пришел конец войне проклятой,
Что обделила детством нас.
В послевоенном сорок пятом
Пошла я в школу, в первый класс.
Нас было сорок первоклашек,
Мы выжили смертям назло.
Нам в первый год, на счастье наше,
С учительницей повезло.
Одеты все во что попало
и даже вшивые подчас...
Не по одежке нас встречала,
А просто так любила нас.
У входа в школу поджидала,
Потом за руку в класс вела,

Теплом душевным согревала,
Второю мамою была.
До ночи в школе пропадала,
Но не смотрела на часы,
Играла, книжки вслух читала
И вытирала нам носы.
Кусочек хлеба из картошки,
Что на обед себе брала,
Нам отдавала весь, до крошки,
Сама голодною была...
Уж голова моя седая,
Но до сих пор стоит в глазах
Красивая и молодая,
С румянцем скромным на щеках.
Звонок трезвонит длинно-длинно,
И представляю я сейчас,
Как Александра Константинна
С улыбкой входит в шумный класс.
Коптилка тускло, как лучина,
На шатком столике горит.
Она читает «Буратино»
И сказку «Доктор Айболит».
А мы сидим, переживаем:
Героям хочется помочь!
В окно не смотрим и не знаем,
Что на дворе давно уж ночь.
Потом она нас одевает,
Закутывая потеплей,
Сама до дома провожает,
Почти до самых до дверей...
...Теперь бы с нею повстречаться,
Поговорить, обнять, как мать.
Каким бы это было счастьем —
Ей тёплые слова сказать!
Но годы пронеслись, как кони,
А мне б вновь детство пережить,
Чтоб снова на плечо ладони
Она смогла бы положить.

В осеннем лесу.

Становятся дни всё короче,
Совсем опустели поля.
Кричат журавли среди ночи
И жаждет покоя земля.

Туманы густы пред зарёю,
В багрянец оделись леса,
И кружится лист надо мною –
Осенней природы краса.

Лесною иду я тропинкой.
Кругом – благодать и покой.
Опята на пне. Вот картинка!
Корзина, конечно, со мной.

Я тонкие ножки срезаю
И дальше иду в тишине.
Года за кукушкой считаю...
Глядь, снова опята на пне!

Собрала грибочков немного
И рада добыче такой.
Вернулась домой – не устала.
В лесу отдохнула душой.

Ручеёк.

Извилистоюузкою дорожкой
Средь ивовых кустов бежит ручей.
В нём силы и воды совсем немножко
И брод найдёт в нём даже воробей.
В том ручейке чистейшая водица
По камушкам струится не спеша.
Живой водицы я хочу напиться.
Ах, как она свежа и хороша!

Природа – наш дом.

Добились удобств и уюта,
Дороги одели в бетон,
В квартирах заморское чудо:
В селе уж не хата, а дом.
Леса вырубаем нещадно,
Поля заросли бурьяном,
Берём у природы всё жадно,
Забыв, что природа – наш дом.
Ромашки, шалфей и гвоздики
Цвели на пригорке крутом –
Теперь те пригорки безлики,
Скудеет с годами наш дом.
Стреляют в косулю и зайца,
Всё стонет живое кругом,
А нас это всё не касается –
Мы губим бездумно свой дом.
Прошу вас, одумайтесь, люди!
Как жить нашим внукам потом?
Мы с вами живое загубим,
Оставив безжизненным дом!

Оглавление.

1. «Мне от страниц твоих тепло»-----	стр. 4-6
2. Так держать, «Мисс «районочка»-----	стр. 6-7
3. З.Н. Кудрявцева: «Радуюсь жизни, каждому дню...»-----	стр. 7-10
4. История села Гламаздино-----	стр. 11-14
5. Из недр там шумным был фонтан, а земли были плодородны.	
6. Колодец, колодец...-----	стр. 14-17
7. Ждал ярмарку честной народ. Она шумела дважды в год-----	стр. 18
8. Прошли года – от храма нет следа-----	стр. 18-20
9. Гламаздинский диалект (толковый словарь)-----	стр. 21-22
10. Строили гламаздинцы крымские дворцы-----	стр. 23-24
11. Уголки нашей родины	
12. Подусадник-----	стр. 25-26
13. Макарик-----	стр. 29-29
14. Весна-----	стр. 30-31
15. Дорогие мои земляки-----	стр. 31-32
16. Прасковья-----	стр. 32-35
17. Такая большая любовь-----	стр. 35-38
18. Из династии Шипулиных-----	стр. 39-40
19. След на земле-----	стр. 40-42
20. Богатырь-----	стр. 42-45
21. Соль земли-----	стр. 46-48
22. Есть у гламаздинцев ангел-хранитель-----	стр. 49-51
23. Куриный доктор-----	стр. 51-53
24. Годы, словно птицы пролетели...-----	стр. 53-56
25. Выходила Надя замуж...-----	стр. 57-61
26. Учитель-----	стр. 62-65
27. Ксения-----	стр. 65-68
28. Эхо войны-----	стр. 68
29. Земля, пролитая кровью-----	стр. 68-71
30. Эхо войны-----	стр. 72-76
31. Партизанская семья-----	стр. 77-79
32. И тысяча дней ада-----	стр. 79-82
33. Пеструха-----	стр. 83-85
34. Лёнькина черёмуха-----	стр. 85-87
35. Гришка-----	стр. 87-89
36. Кормилица-----	стр. 89-91
37. Долюшка женская-----	стр. 91-93
38. Варечка-----	стр. 93-96
39. Подруги-----	стр. 96-98
40. Татарская баня-----	стр. 99-101
41. Хранительницы очага-----	стр. 101-103
42. Гордая-----	стр. 104-108

43.Заметки натуралиста

44.Прощальные мелодии-----	стр. 108-110
45.Почему у дуба ветки корявые-----	стр. 110-112
46.Старожилы-----	стр. 112-113
47.Бобровая вотчина-----	стр. 113-114
48.Муравьиная дорожка-----	стр. 115
49.Гурман-----	стр. 115-117
50.Доверие-----	стр. 117-118
51.Дуська-----	стр. 119-121
52.Ох, уж эта полосатая напасть-----	стр. 121-123

53.Наташа

54.А сказать вернее – дочка-----	стр. 123-125
55.Будь счастлива, дочка!-----	стр. 125-127
56.Лирические мотивы-----	стр. 127-132

